

Лев Голубев-Качура

**Бороться
за жизнь
до конца!**

Боевик

Лев Голубев-Качура

**Бороться за жизнь
до конца! Боевик**

«Издательские решения»

Голубев-Качура Л.

Бороться за жизнь до конца! Боевик / Л. Голубев-Качура —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933239-4

Жизнь человека во Вселенной сложна сама по себе, а мы своими поступками ещё более усложняем её, поскольку не знаем, насколько хорошо или плохо они (поступки) влияют на окружающую нас энергетику Вселенной.

ISBN 978-5-44-933239-4

© Голубев-Качура Л.
© Издательские решения

Содержание

Маhjong titans	6
Р е г у л	25
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Бороться за жизнь до конца!

Боевик

Лев Голубев-Качура

ПРЕДИСЛОВИЕ

© Лев Голубев-Качура, 2019

ISBN 978-5-4493-3239-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С самого зарождения человеческой жизни на земле, он (человек), подняв голову, любовался красотой звёздного неба, и, почёсывая загривок, задавался вопросом: «Что же там ночью так красиво блестит, а днём светит и греет? Вот бы посмотреть, рассмотреть поближе!»

И только в настоящее время мечта его смогла воплотиться – он построил космические корабли! Он слетал на луну, а теперь вот на очереди Марс, Венера, Юпитер, да и все остальные звёзды.

Пройдёт ещё немного времени и мечта его окончательно станет явью. Космические полёты будут обыденным делом для человека будущего, как для нас обыденным атрибутом жизни стали – поезд, самолёт, морской корабль.

Автор

Mahjong titans

*«...Солнце скользнуло за горизонт, и ночь опустилась на Марс,
как большое тёмное, тёмное покрывало...»
(Пол Андерсон, «Убить марсианина»)*

Глава первая

Огромный космический лайнер XP12.01MARS-ZEM, флагман межзвёздной пассажирской армады, неподвижно застыл на приколе у только что возведённого марсианами бую. Через некоторое время он должен будет отойти отсюда, унося на своём борту почти тысячу пассажиров, и меня в том числе. Этот буй, насколько я понял из объяснения директора курсов, был построен по чертежам марсиан из сплава, добытого ими же на Титане, Япете и других спутниках Сатурна, по их же технологии и под большим, большим секретом.

Я и шестеро моих сокурсников, теперь уже бывших студентов марсианской школы Межгалактических Финансовых Инспекторов, должны были вылететь по заданию в различные галактики и звёздные системы – ближние и дальние. Я не попал в элитную группу «Дальнобойщиков» по собственной вине. Слишком уж независимым я был, а иногда, поступал даже наперекор инструкциям.

Руководство же школы, особенно директор, опытный финансовый волк, не поощряли очень-то самостоятельных студентов. Только благодаря заступничеству куратора меня, уже на втором или даже на первом году обучения, не поперли из группы, и я не оказался на каком-нибудь «девчоночьем» историко-археологическом или библиотечном факультете.

Наша школа являлась дочерним учебным заведением при Марсианском Финансово-Экономическом Университете (МФЭУ), и учились в ней сплошь особо одарённые, с математическим уклоном, студенты. Я каким-то образом тоже оказался в их числе, хотя и не рассчитывал на такое везение. Собственно, я немного привираю.

Я попал в неё не каким-то образом, а по настоянию мамы. Это она меня в неё устроила через своего знакомого, а я, кажется, пока не жалею. А дальше? Дальше жизнь покажет.

Теперь же мы, бывшие студиясы, должны были покинуть Alma Mater и разлететься, словно оперившиеся птенцы, на задания, как очень ёмко выразился наш господин директор – «Возвращать потраченные без толку на нас средства».

На доставку шлюпкой в причаленный к бую звездолёт я оказался в списке последней партии пассажиров и, в ожидании объявления роботом-информатором «на посадку», мучался от безделья, но пройдясь один раз, затем второй, мимо торговых киосков, у меня, казалось, что-то тумкнуло в голове. Оказывается, я даже вначале сам себе не поверил, я не просто прогуливаюсь и бездельничаю, я подсознательно занимаюсь очень серьёзным делом, я занимаюсь ана-ли-зом, и никак не меньше...

Мой анализ заключался в следующем: прохаживаясь вдоль киосков с различным товаром, разглядывая витрины и продавцов я, по наличию экзотического товара и, особенно, по поведению продавцов, пытался угадать, вернее, вычислить, из какой галактики, или из какой звёздной системы, а ещё лучше, на какой планете проживает продавец и его ли это товар?

Эта, казалось бы никчёмная работа, тренировала память и давала возможность вспомнить пройденные в школе уроки, и понять, насколько хорошо я их усвоил и готов ли я к самостоятельной работе. От этого зависела моя карьера и, главное, моя жизнь! Во всяком случае, так, на протяжении всех лет обучения, внушали мне преподаватели различных дисциплин школы, особенно, куратор.

Ко времени моего рождения уже более трёхсот планет и звёздных систем входило в Независимый Союз, а сколько гуманоидных видов и подвидов проживало на них – не счесть! Да я и не пытался, если честно.

«Чем лучше ты в этом винегрете, то есть, многообразии племён и народов будешь ориентироваться, тем лучше для тебя» – наставлял меня куратор при последней нашей встрече после получения диплома.

И вот, сейчас, я переходил от одного киоска к другому и «работал». Этому слову меня тоже научил куратор. Не учился, не угадывал, а именно, работал. «Чем лучше ты будешь отличать одну расу от другой, говорил он, тем легче тебе будет понять, на какой ступени развития она находится, тем быстрее ты сможешь проникнуть в её мыслительный процесс. И если ты это сумеешь сделать быстро, не напрягаясь, продолжал он учить меня, то считай – две трети победы над ними у тебя в кармане, иначе – гибель!»

Я «зарубил» эти слова у себя на носу, я вырубил их, как писали в древней-древней книге землян «Библия», в виде каменных скрижалей, навечно, ну, может быть и не совсем навечно, но надолго. Мне совершенно не улыбалось погибнуть во цвете своих прекрасных молодых лет не за грош, погибнуть из-за своего неумения разбираться в людях, гуманоидах, расах и племенах.

Именно в неумении вовремя разобраться, понять «Кто есть, кто!» было наше слабое место, наша «ахиллесова пята». «Это огромный минус в вашей работе!», твердили преподаватели и куратор почти на каждом семинаре.

Наконец-то заговорил громкоговоритель и я, в потоке механических слов робота-информатора, различил свою фамилию, но номер портала пропустил. Пришлось бежать к справочному роботу-автомату за разъяснением.

Из-за своей углубленности в работу я чуть не опоздал на посадку, и мне пришлось бы дожидаться следующего рейса, менять билет, терять кредитки, короче, в этом случае меня бы ожидала куча проблем.

Глава вторая

Звездолёт шёл вдоль Млечного пути с заходом на крупные созвездия. Пассажиры, сходящие на астероиды и небольшие планетки, доставлялись с корабля шлюпками. Я, согласно предписанию, летел на Кастор в созвездии Близнецов, там мне было необходимо выполнить своё первое задание.

Во время перелёта я познакомился с милой девушкой, уроженкой периферийной сельскохозяйственной планетки Upsi2D. Её жёлтые, как у марсианских кошек, глаза и бледно-зеленоватого оттенка кожа, выгодно выделяли её из толпы гуманоидов, и на неё многие особи мужского, и не только, пола обращали внимание.

Это льстило мне и в тоже время горячило мою кровь, короче, я ходил по прогулочной палубе рядом с ней, не выпускал её руки из своей и вёл себя, как этот, как его... нуу..., такой, весь надутый и чопорный..., знаете? Вот, вот, правильно, как надутый индюк!

Я проводил время, развлекаясь на дискотеке или попивая коктейли в одном из баров на основной палубе, и всегда рядом была она, Гвен. Так, правда, как-то не по-современному, а несколько чопорно, представилась она мне при знакомстве.

Иногда я приводил её в Ретро Кинозал и мы, похрустывая попкорном, смотрели старинные вестерны с погонями на лошадях и стрельбой из каких-то железных наганов и винчестеров.

Она была прекрасным товарищем для времяпрепровождения в полёте, и ещё более прекрасной девчонкой. Её талия была тонкой, как у осы, и вызывала восхищение, а голосок звучал завораживающим, серебристым колокольчиком или, как весенний ручеек где-нибудь на Земле.

Я часто вспоминаю свой дом, родителей, своих брата и сестру, и многочисленных родственников, когда остаюсь один на один с собой. А когда я с Гвен..., я только о ней и думаю.

Правда, в последнее время я, даже когда остаюсь сам с собой, тоже о ней думаю. Про родню у меня как-то реже стало получаться думать и вспоминать.

Но, всё хорошее, как правило, быстро заканчивается. Закончилось и наше совместное посещение дискобаров и киношек. Мы распрощались на одной из планет и, обменявшись адресами галактической почты, пообещали не забывать друг друга и, по возможности, посылать друг другу SMS-ки.

* * *

Через пару месяцев достаточно спокойного полёта, я прибыл к месту своего первого назначения. Пересаживаясь с корабля в шлюпку, я обратил внимание, как два, похожих на бультерьеров, гуманоида, постоянно крутившиеся возле меня и моей девушки во время полёта, также сошли в шлюпку. Это почему-то насторожило меня. Я их ни в чём не подозревал, и они не давали повода думать о них плохо, но шестое а, может быть, двадцать шестое чувство, подсказывало мне – будь осторожен! Чего это они всё время крутились возле тебя и Гвен? Если они следили за ней, так должны были сойти вместе с ней, а они... «Джонатан! – сказал я себе, – что-то здесь нечисто, постарайся уликнуть от них». Но как это сделать? – задумался я, и по своей, ещё в детстве «благоприобретённой» привычке, потёр мочку уха.

После проведённой процедуры с ухом, у меня сразу же появилась идея... честное слово, замечательная идея!

Я, при получении задания тщательно изучил карту планетки и города, в котором мне предстояло поработать и, как видно, не напрасно. С надеждой на моё знание, хотя и теоретическое, я решил, что сумею сориентироваться на месте и скрыться от них. Но эти, двое, были рядом со мной и не думали далеко отходить.

Их назойливое внимание начало раздражать меня, но я вспомнил слова преподавателя по психологии – «Расшалившиеся нервы – плохой помощник при выполнении задания» и, применив одно из Специальных Упражнений, восстановил своё первичное нервное состояние, то есть, попросту говоря, успокоился.

Дождавшись, когда несколько сошедших вместе со мной со шлюпки пассажиров, разместятся в воздушных такси, я обратил внимание на одно свободное место позади салона в одном из них и, недолго думая, быстро юркнул на него.

Воздухолёт взмыл вверх, а два «бультерьера», разинув огромные клыкастые пасти и испуская тягучую жёлтую слюну, задрали головы в сторону улетающего воздушного такси, и, казалось, или мне так хотелось, обиженно завывали. Свободных воздухолётов для них не было. Я неприлично, как сказала бы моя мама, восторжествовал над несчастными преследователями.

Но, как оказалось, я рано успокоился. Навстречу нам летело воздушное такси, и оно было пустым, в нём не было пассажиров. Я быстро дотумкал, как только воздухолёт приземлится на крышу аэровокзала, мои, теперь я в этом не сомневался совершенно, преследователи постараются догнать меня на нём и проследить, куда это я направляюсь? А этого, по условиям Строгой, Научно Обоснованной Конспирации, ни в коем случае нельзя было допустить. Ни-за-что! Пустить кровь из носа, но не допустить!

Принадлежавшая нашей школе конспиративная квартира располагалась на окраине Мегалополиса. Собственно, вся планета и была Мегалополисом, городом-великаном.

Планета, застроенная небоскрёбами, покрытая, как паутиной, густой сетью самодвижущихся, разной длины и направления, пешеходными дорожками, прямыми, широкими проспектами и узкими переулками – являлась вместилищем огромного количества банков и различного рода увеселительных заведений. Это была планета нуворишей и обслуживающего их, персонала. Элитная планета, планета не для бедных.

Воздухолёт совершил посадку на крышу одного из небоскрёбов, и я первым выскочил из него. Не теряя понапрасну время, я быстренько спрятался за круглым, титанопластиковым сооружением, напоминающим воздухозаборник или что-то похожее на него.

Теперь-то я уже твёрдо был уверен – следят за мной и только за мной, и мои преследователи не замедлят здесь появиться. И я не ошибся! Ну, нисколько не ошибся! Не успел я, как следует перевести дух, как на крышу небоскрёба быстро «приземлилось» воздушное такси и из него пулей вылетели мои преследователи.

Оглядев «зорким» взглядом посадочную площадку, крышу небоскрёба и, не заметив меня, они, быстро перебирая лапами на скользкой крыше, помчались к скоростному лифту.

На моё счастье такси, доставившее моих преследователей, ещё не улетело. Я краем глаза видел, как робот-пилот о чём-то переговаривается по видеофону.

Как только преследователи скрылись в шлюзовой камере скоростного лифта, я бросился к такси. Назвав ложный адрес, я комфортно расположился на сидении и, с высоты птичьего полёта, стал любоваться городом.

А полюбоваться было на что: по улицам сновали грузовые и легковые спидеры (механизмы на воздушной подушке), а выше них, на уровне пятого и выше этажей, пролегали моно-рельсовые дороги. При виде сверху представлялось – город затянут металлической сеткой, по которой снуют разноцветные гусеницы, а под ними, перемещались в разных направлениях, похожие на цветных букашек, пешеходы.

Они сталкивались, группировались в небольшие, мозаичные группы, затем снова разбежались и вновь собирались на перекрёстках. А выше всего этого постоянно снующего «муравейника», с огромной скоростью летали воздухолёты, в одном из которых сидел я. Это было так захватывающе интересно, что я ни на мгновение не отрывал взгляда от плывущей у меня под ногами картины.

Вот это даа! – восхищённо думал я. Даже на Марсе такой красоты нет!

После часового полёта над городом, я уже имел полное визуальное представление о Мегаполисе. Мне он здорово понравился!

До явочной квартиры я решил добираться пешком, то есть, не совсем пешком конечно. Меня, как и остальных пешеходов, должны были перемещать самодвижущиеся дорожки-тропуары, типа лестниц в метро далёкого Земного прошлого.

Чтобы окончательно сбить преследователей со следа, я часто перескакивал с одной движущейся дорожки на другую, менял направление и неоднократно «проверялся», то есть, оглядывался назад, вглядывался в лица окружающих меня индивидов, особенно девушек.

После принятия таких разнообразных, рекомендованных нам ещё в школе, мер предосторожности, я был уверен – преследователи окончательно и бесповоротно потеряли мой след.

Я, что, зря скакал как козлик по дорожкам, что ли! – позволил я себе слегка пошутить.

А дальше? Дальше моя мысль плавно потекла в направлении успокоения. Разве можно, успокаивал я себя, среди сотен, тысяч, миллионов гуманоидов и людей этого разношёрстного муравейника, отыскать меня, такого маленького и неприметного, такую букашечку в пёстрой толпе пешеходов.

Хозяйка явочной квартиры не хотела впускать меня до тех пор, пока я не вспомнил, что кроме голосового пароля я ещё должен показать ей брелок на трёхцветном, особого плетения, шнурке. Пришлось расстегнуть ворот рубашки и предъявить вещественное доказательство. При этом я страшно покраснел от смущения.

Когда церемония «опознания» прошла успешно, хозяйка стала – сама любезность.

Несколько дней я изучал район своих действий и пути отхода. Это был обязательный атрибут моей работы, при невыполнении которого я мог быть выслежен и ликвидирован!

В школе, на занятиях, мы тщательно анализировали ошибки проваливших задание инспекторов. Многие из них погибали именно из-за недостаточного ознакомления с маршру-

том отхода от места операции, а я не хотел быть в числе неудачников – гордость и амбиции не позволяли.

Ты же, как сейчас помню, говорил мне папа, если он считал, что я что-то делаю или сделал не так... – ты же Джонатан! А Джонатан, сынок – из рода Хитрых Лис – это..., и подняв вверх большой палец, он многозначительно замолчал...

Так я до сих пор и не понял до конца – что бы значило его многозначительное «это». Но старался соответствовать! Честное слово старался, хотя и не всегда у меня «Это» получалось.

Глава третья

После тщательного изучения места своей «работы» я, одевшись по последней моде (широкие штаны с буфами, шёлковые полосатые носки, туфли на мягкой подошве и рубашку с разрезами на рукавах), и прихватив «рекомендательные» письма, направился к своему клиенту.

Пора было переходить к непосредственному контакту и изучению внутреннего расположения помещений, то есть, подготовить место для выполнения задания.

Моим клиентом, согласно данным полученным в запечатанном восковой печатью конверте ещё при отбытии из школы, был бывший министр одной из планет, сумевший «приватизировать» двухлетний бюджет планеты так ловко, что не будь в его окружении завистников, он никогда бы не попал под наблюдение Галактической Комиссии по Доходам.

Эта комиссия, между прочим, была создана для контроля «За приходом и расходованием денежных средств каждым гражданином Империи, независимо от его статуса и положения в обществе». Но и она (комиссия) не всегда могла уследить, особенно за слишком поднаторевшими в обмане государственных органов контроля, в сокрытии истинных своих доходов «честными и добропорядочными» гражданами.

В моём случае, экспроприировать украденные средства у «прихватизатора» должен был другой инспектор-экономист. Но, по настойчивой просьбе и рекомендации моего куратора, на выполнение задания направили меня, только что получившего диплом, юнца. Хотя, по слухам, директор департамента прочил на моё место другого, более опытного инспектора и, как мне, через пару лет после выполнения задания конфиденциально шепнули, своего дальнего родственника.

С одной стороны, такое доверие куратора ко мне воодушевляло, с другой стороны, заставляло быть очень и очень добросовестным при выполнении задания. Мне не хотелось бы его подводить «под монастырь», а уж самому быть пойманным и, не дай бог убитым, тем более.

Почти половина месяца, а точнее, тринадцать дней, семь часов и семнадцать секунд у меня ушло на то, чтобы заслужить какое-никакое доверие со стороны клиента и его домоладцев – жены, тёщи, свекрови, его сестёр и братьев, а также прислуги – консьержки, сторожа, поваров, садовника и горничных. Да, чуть не забыл..., и водителя персонального воздушного транспорта – тоже. Эти «господа» нужны были мне – «на всякий случай». Лишний друг в чужом доме никогда не помешает, верно?

На практике, эта работа отняла у меня кучу нервов и сил. В теории же, всё представляется намного легче, особенно, когда изучаешь учебник. Так и кажется – всё это дело повернуть стоит одного чиха, а на самом-то деле – ого-го! Это вам не фунт изюму съесть без хлеба!

Постепенно я стал вхож к нему в особняк в любое время и перешёл из категории каких-то гостей, в категорию своих гостей, с правом сидеть за столом во время обедов, ужинов, а если повезёт, то и завтраков. Но я был достаточно «богат», чтобы на завтраки не являться если не хочу. Я не торопил события, знал, одно неосторожное слово или поступок, и моё задание можно считать проваленным окончательно и бесповоротно. А я не хотел подводить куратора,

а тем более, себя любимого. Я старался, я очень старался всё сделать правильно – как учили в школе!

* * *

Почти ежедневно, по вечерам, в особняке бывшего министра развлекались его друзья и ещё какие-то, непонятного назначения и происхождения, гости: из бильярдной комнаты доносился стук шаров; за карточными столами то и дело раздавалось: «А я твою милую дамочку-красавочку козырным валетиком покрою» или, «Чем кроешь, сволочь? Раззуй глаза... это тебе не в твоей конторе, здесь просителей нет, не обманешь!»

Сам же хозяин, любил играть в Mahjong, и не просто в Mahjong, а в «Большой Mahjong». Он уединялся за ломберным столиком подальше от шумной компании картёжников, и, найдя очередного партнёра-жертву, приступал к игре. Как правило, игра велась на деньги, и не было такого случая, чтобы он проиграл.

Изучая его досье, я особо обратил на это внимание, и все дни своего с ним знакомства, старался быть к нему поближе, запоминал систему его игры, выискивал ошибки и красивые ходы.

А он, частенько, будучи в выигрыше и от этого в превосходном настроении, и видя, с каким интересом я наблюдаю за игрой, говорил мне: «Смотрите молодой человек, смотрите и учитесь, как без кровопролития и истязаний мой партнёр расстанется со своим кровным, „честно“ заработанным капиталцем. Быть может и вы насмелитесь когда-нибудь сыграть, а то всё стоите, да стоите, смотрите, да смотрите. Глаза не проглядели ещё?».

А его жертва, выслушивая тираду экс-министра, бледнела и, вытирая пот с лица, затравленно озиралась в поисках поддержки, и... улыбалась, улыбалась.

При первом нашем знакомстве с экс-министром, я был представлен ему в качестве наследника, скоропостижно скончавшегося от сердечной болезни, владельца одной очень перспективной планетки с большими залежами полиметаллов и, одновременно, владельцем крупного банка. Документы и кредитные билеты мне вручили в «конторе» перед вылетом на задание.

У меня в руках часто видели с десяток платиновых карточек. Я был настолько «рассеянным» и такой «Олух царя небесного», что везде всё ронял, терял, забывал. А это, по мнению его друзей и гостей, подтверждало слова о моём богатстве, недалёкости ума и некоторой ветрености характера.

Я же козырял «богатством» с единственной целью – заставить вора экс-министра, пригласить меня сыграть с ним. Это должен был сделать он, а не я напроситься, иначе..., думаю понятно, что иначе!

Я рассчитывал на то, что он не преминет воспользоваться случаем «раздеть» молодого, спесивого олуха-денди, и отправить голеньким, как ощипанного петушка, восвояси, к папе и маме плакаться в жилетку.

Правда, по легенде мой батюшка скоропостижно скончался, но матушка-то была жива. Вот он и должен был рассчитывать, обобрав меня, заставить, поджав лапки вернуться к мамочке и поплакаться ей, чтобы пожалела. А лучше – пожурила своего сынка-балбеса за неумную страсть к игре. Хотя..., думаю, ему было глубоко безразлично, что потом будет со мной. Как-то, на досуге, я даже представил, как он будет потирать руки от удовольствия.

В один из счастливых для него дней, наблюдая за игрой, я представил всю эту картину в лицах, и долго, про себя конечно, не вслух, смеялся над его самоуверенностью и безнаказанностью. «Погоди, – говорил я, украдкой смотря на виртуоза-хапугу, – отольются тебе мышканы слёзки!».

Мои усилия наконец-то увенчались успехом: в один из вечеров я сумел предоставить ему возможность заманить меня в игру.

Я долго и неумело отнекивался, громко призывал окружающих быть свидетелями своего неумения играть и, в конце-концов, сумел собрать вокруг нас группу болельщиков.

Они нужны были мне в качестве свидетелей на случай, если экс-министр вздумает оспаривать свой закономерный проигрыш.

Вы можете спросить, зачем такая тягомотина по изыманию несправедливых богатств? Могу объяснить, но это в первый и последний раз, договорились?

Всё дело в том, что согласно Союзной Декларации Свобод Народов, лет двести тому назад были отменены не только смертная казнь и уголовное преследование, как таковое, а вообще отменены все виды наказаний. Народное Собрание решило – население планет настолько продвинулось в своём развитии, что никакие преступления сейчас невозможны, поэтому наказания не к кому применять.

Через полсотни лет спохватились (преступления, особенно финансовые, не прекратились, а наоборот – возросли). Срочно был создан наш Департамент, а затем и спецшкола. Единственным методом изымания денег при «отсутствии преступлений и отменённых в связи с этим наказаниях», оставалась – игра на деньги. Игра, под эгидой Имперского Казначейского Банка. Вот так!

Для этой цели и была создана наша школа. Нас обучали играть во всевозможные игры, обучали психологии индивида, обучали умению вовремя использовать слабости игроков, короче – обучали беспроигрышной игре.

Вот таким, несколько экстравагантным способом, Правительство Союза изымало уворованные средства. А, как иначе? Все же честные..., особенно Имперские чиновники!

Глава четвёртая

Игра всё больше и больше возбуждала и захватывала нас. Я, чаще проигрывал, чем выигрывал, громко переживал свои неудачи, ещё громче радовался какому-нибудь незначительному выигрышу, короче – как профессиональный артист, на потеху зрителей устроил целое представление со стенаниями и слезами, дёрганием себя за волосы и прочими штучками-выкаблучками. Или, как в таких случаях говорят – «Вёл себя, как полный идиот!»

Вокруг нас собралась толпа болельщиков, даже любители карт и бильярда подтянулись к нам, чтобы посмотреть, как их «друг» «раздевает» самодовольного, молодого петушка. Особенно злорадствовали те, кого, до этого, министр лишил части их состояния.

Им бы посочувствовать мне, пожалеть, так нет – они радовались! Я видел их ухмылки, их неприкрытую возможность..., ох, уж эта *homosapienskaја* гадкая натура – радоваться тому, что не ты один попал впросак...

Такая обстановка мне была только на руку, хотя, по правде сказать, мне не легко удавалось ломать комедию, я был очень напряжён. Часть моей внутренней энергии уходила не на игру, а на «ломание комедии».

Экс-министр был сильным, я бы даже сказал, очень сильным игроком в Mahjong, и мне приходилось всё время быть начеку! Да что там начеку – я был весь на нервах. У меня вообще ничего своего не было – одни нервы и нервные окончания!

Постепенно мой запас кредитных билетов стал иссякать, моё лицо от «огорчения» стало вытягиваться и бледнеть, а лицо моего противника, розоветь. Он с нескрываемым удовольствием сыпал шутками, похохатывал и потирал руки.

Наступил кульминационный момент в игре: вокруг столика воцарилась глубокая тишина (если бы на планете водились мухи, то было бы слышно как они летают).

Болельщики зажали нас в живое кольцо, слышались посапывания и побряхтывания, и лишь изредка, кто-то покашливал от волнения.

Бледный, с обильно текущим по лицу потом, взъерошенными волосами на голове и оторванной от «волнения» пуговицей на рубашке, я трясущимися руками подписывал чек на всё

«свое» оставшееся имущество: планету с полиметаллами и банк. В последней попытке отыгаться я рисковал, очень рисковал!

Но это была игра, игра обязательная, игра Правительства в моём лице, и я знал, что делаю. Я видел, мой противник, вольготно раскинувшись в кресле, расслабился, и в предвкушении лёгкой победы, попивает прохладительный напиток. Вот этого момента я и ждал!

Насколько я понял в процессе игры, он виртуозно владеет всеми приёмами и он... очень, очень сильный противник, но я то, тоже ведь был не «Мальчиком для битья», хотя и очень молод. Я был внутренне хладнокровен, хорошо подготовлен и владел ещё одним неоспоримым преимуществом – я разработал собственный, никому не известный приём быстрого раскрытия пазла в Mahjonge.

Когда он, в ответ на мой подписанный чек, величественно и в тоже время снисходительно подписал собственный, и мы нотариально заверили их в присутствии десятка свидетелей – началась Настоящая Игра!

На десятом ходу он уже был полностью уверен, что победа у него в кармане, но я, применив свою разработку, первым закончил игру.

У болельщиков из груди вырвался то ли вздох облегчения, то ли жалости, только вот к кому?

Я же, долго не мешкая, достал из кармана портативную рацию и, связавшись по коду с Министерством Финансов, быстро продиктовал в неё реквизиты его и своего чеков. Тем самым я полностью исключил возможность оспорить свой выигрыш, а его проигрыш.

Экс-министр сидел раскрыв рот, и переводил выпученный взгляд с одного болельщика на другого, с друзей на меня и тяжело, с хрипом, дышал. Он был бледен, по щекам его обильно струился пот и он, по-моему, ещё не до конца осознал положение, в котором очутился.

Завтра, самое позднее послезавтра, Финансовые Судебные Исполнители заберут всё награбленное им добро и вышвырнут его из особняка. Всё украденное вернётся в казну Галактического Союза.

Гости и близкие друзья быстренько покинули, в одно мгновение превратившегося в бомжа, хозяина особняка. Я тоже не стал задерживаться, справедливо полагая – охрана так просто не выпустит меня живым.

После игры я надолго затаился на конспиративной квартире и пробыл в собственном заточении почти два с половиной месяца. Из сообщений хозяйки я знал, меня ищут по всему мегаполису, перекрыты все межпланетные космические аэропорты, сотни платных сыщиков шныряют по городу в поисках моей персоны. И, ещё одну неприятную новость принесла она...

Я, сразу после появления на явочной квартире, отослал сообщение своему куратору о слежке за мной и, вот ответ: «В наш Департамент внедрился тайный осведомитель и все операции, или почти все, становятся известными определённым кругу лиц. Будь предельно осторожен, напрасно не рискуй! Следующее задание получишь от специального курьера».

Глава пятая

Изменить внешность мне помог давно сотрудничавший с нашим Департаментом, хирург-косметолог. При современном оборудовании это не составило большого труда. Для меня, сложная операция прошла безболезненно и без потери кредиток – бесплатно.

Посмотревшись в поднесённое зеркало, я увидел перед собой пожилого, несколько сутуловатого, зелёноволосого (почему мне так нравится зелёный цвет?) мужчину.

Рост мой сейчас был на три с половиной дюйма выше, а кожа светлая, как у аборигенов планеты Рак. Ну, что ж, решил я, вполне нормальный вид. Конечно, можно было бы сделать и помоложе, но на «Безрыбье и рак – рыба» – сказал я себе, покидая хирурга-косметолога.

Поблагодарив за проделанную работу, я отправился домой, то есть, на конспиративную квартиру.

Хозяйка, увидев незнакомого, пожилого мужчину, который сверхнахально пытался войти в дверь, никак не хотела впускать меня в квартиру. Пришлось проделать процедуру первого появления на конспиративной квартире с повторением пароля, отзыва и предоставления брелка на цветном шнурке.

Спасибо за предусмотрительность! – поблагодарил я себя, доставая вещественное доказательство. Не захвати я его с собой перед походом к косметологу, оставаться бы мне на улице, как какому-нибудь сироте или бездомному бродяге.

Хозяйка, хотя и большая умница, долго не могла понять, куда же подевался её первый, такой молодой и симпатичный жилец, а я не мог ей этого объяснить. Просто, не имел права! Но, в конце-концов, мы поладили, и я вновь занял свою комнату. Подходящую одежду мне приобрёл косметолог сразу после операции – поэтому я, уже на вторые сутки, смог выйти на прогулку.

* * *

В этом была настоятельная потребность. Я должен был каждый вторник и пятницу появляться в определённом месте, а также в оговоренный ещё при получении задания час для встречи со связным.

Я не имел сведений от руководства Департамента уже более четырёх месяцев, и это начало меня, по-настоящему, беспокоить. Тревожные мысли лезли в голову, и первая из них – я плохо выполнил задание с экс-министром, а вторая – меня «законсервировали» на неопределённый срок по той же причине.

А мне не хотелось ни того, ни другого. Мне хотелось благодарности за отлично проделанную работу и премии в виде шелестящих в кармане кредитных билетов. Ну, ладно, поскромничал я в своей мечте, пусть кредитки будут не платиновые, а хотя бы серебряные..., в принципе, я не обижусь на такое скромное вознаграждение, но... только на начальном этапе своей карьеры! А потом... извините! Отличная работа должна быть отлично оплачена!

Но, оказалось, я был неправ. Меня не забыли! – воскликнуло что-то внутри меня, воскликнуло там, где-то возле пупка. Да, меня не забыли, так как я увидел тайный знак на груди одного из посетителей кафешки, предназначенной для встреч со связным. Гуманоид, похожий на сунса и такой же маленький, увидев в моих руках свёрнутую определённым образом рекламу лошади с планеты Земля, расплатился за обед и, позабыв на столике рекламу какого-то, сверхмодного, сверхрезультативного и очень дешёвого, с экономией 20%, мыломоющего средства, задрав пушистый хвост, неспешно удалился. А я..., я быстренько примостился на его место.

Моя душа возликовала – я не забыт и вероятнее всего мне прислали инструкцию на новое задание! Ура-а-а!! Ура! И, ещё раз, «Ура!» – прокричал я. Прокричал не вслух, конечно, а внутри себя.

Оглянувшись, не следит ли за мной кто, я схватил рекламу и быстро, даже не выпив какую-то «Колу», покинул питейное заведение.

Вернувшись на конспиративную квартиру, я под благовидным предлогом быстренько отослал хозяйку в местный супермаркет за продуктами, а сам заперся в своей комнате и расшифровал послание.

Руководство Департамента поздравляло меня с успешным выполнением первого задания и настоятельно рекомендовало, не откладывая в долгий ящик, приступить к выполнению следующего. Инструкция и все данные прилагаются, добавляли они, а в конце записки была приписка от моего куратора – он тоже поздравил меня и в конце своего коротенького послания написал: «Молодец, так держать!»

Больше всего я был рад приписке куратора. Прочитав её, я даже чуть не прослезился от чувств, но призвав на помощь всю свою мужскую волю, я оставил глаза сухими.

Новое задание, на мой взгляд, было не очень сложным, я должен был изъять незаконно приобретённые капиталы у какой-то дамочки. Голограмма и биография дамы прилагались.

Прекрасная это штука – голограмма, не то, что фотография. Можно рассмотреть человека не только анфас, но и сзади. Особенно это удобно, когда рассматриваешь незнакомую тебе девушку, или... молодую женщину, как в моём, конкретном случае.

Правда, голограмма очень даже полезная штука для мужчин, особенно моего возраста.

Ознакомившись с её биографией и рассмотрев выполненную вполне профессионально, в цвете, голограмму, я расстроился. Не ошибка ли это? – с волнением подумал я. Такая милая, с обворожительной улыбкой на чуть припухлых губах, молодая, вполне соблазнительная женщина и... у меня даже язык не повернулся назвать её воровкой. Надо самому проверить, решил я. Не иначе здесь какая-то ошибка... Кто-то хочет свести с ней счёты.

Даже поверхностная проверка, проведённая моим закадычным другом и переданная мне по секретным каналам, заняла почти неделю. Результатом её я был посрамлён окончательно и бесповоротно! Всё, что было сообщено мне о ней из Финансового Департамента, подтвердилось! Дама оказалась тем, кем была на самом деле – хитрой, беспринципной, но очень умной, обворожительной ии-и..., короче – с виду настоящая леди из высшего света

Глава шестая

Приступая к реализации задания, я позаботился о своём, теперь уже окончательном, бегстве с планеты. Я заранее приобрёл открытый, без указания числа и направления, билет на корабль. Это был хоть и небольшой, но шанс уцелеть, не попав под прицельный луч наёмного килера или охраны «мадам». Но, надеюсь, до этого дело не дойдёт, пообещал я себе. А уж коли дойдёт, то, значит, я напрасно десять лет «протираю штаны» в школе и ничему путному не научился.

По окончании этого задания я вновь решил изменить внешность. Между прочим, «мимикрия» в нашей работе была одной из ведущих дисциплин в школе.

Умение слиться с окружающей средой, изменить свою внешность или выражение лица до неузнаваемости, вот задача мимикрии и, по этому предмету, не хвастаясь, могу сказать – я был не среди отстающих учеников!

* * *

Для первого знакомства с такой красивой и так необходимой мне для выполнения второго задания мадам, я воспользовался кое-какой незатейливой хитростью.

Встретились мы с ней... ну, совершенно «случайно» в элитном, только для избранных персон, SHOPE. Я сделал так, что мы одновременно с ней потянулись за понравившейся мне блузой блёкло-зелёного цвета и опять-таки, совершенно «нечаянно» я положил свою руку на её плечо.

Я раз двадцать, а быть может и все двадцать пять, со старомодным расшаркиванием извинившись, представился художником с далёкой периферийной планеты 3dcQ15GJ и, достав из тубы парочку превосходно выполненных картин (позаботилась контора), подтвердил свою профессиональную значимость.

В инструкции меня строго предупредили, чтобы я не вздумал к ней «подъезжать» с какой-нибудь низкосортной подделкой.

Думаю, тонко намекали, чтобы я ненароком не умыкнул присланные настоящие картины для себя.

Оно мне надо! – поморщился я, быстро раскусив их «тонкий» намёк.

Из её биографии я знал, она тщеславна, любит, особенно если рядом крутится случайный журналист, показать своё меценатство над искусством вообще и над начинающими художниками и музыкантами, в частности...

Ясное дело, разыгранный мною спектакль с присутствием пары «случайно» оказавшихся в шопе за мои же кредитные карточки, журналистов был, мягко говоря, низкопробным, но у меня не было достаточно времени на его подготовку. Мне никак не удавалось приблизиться к ней на близкое для знакомства расстояние. А сегодня... сегодня получилось очень даже ничего, как сказал один очень умный и очень давно какой-то Великий – «Пришёл, увидел, победил!»

Наше знакомство продолжилось в её пентхаузе на 118 этаже небоскрёба. Мы пили кофе в её летнем саду, болтали о том, о сём, но главная тема разговора – «Художники эпохи Возрождения», была приоритетной.

Беседуя с ней, я пришёл к выводу – она начитана, образована, хорошо владеет собой и, действительно, достаточно умна. А раз так, то борьба с ней обогатит мою практику, доставит истинное удовольствие от победы, подумал я, если, конечно, не проиграю – вынужден был я чуть уменьшить прыть своих «коней тщеславия».

По окончании беседы она предложила заходить к ней в любое время, запросто, не стесняясь, и в добавление к прощальным словам, мило улыбнувшись, польстила мне: «Так приятно побеседовать с умным и таким талантливым художником».

Ну, вот, подумал я, спускаясь в скоростном антигравитационном лифте, прав был куратор, когда внушал нам, студентам – «У вас должны быть обширные знания, я бы даже сказал, в некоторых вопросах энциклопедические, чтобы клиент пожелал новой встречи с вами, а не забыл о вашем существовании, как только за вами закроется дверь».

* * *

Естественно, я стал бывать у мадам почти ежедневно. Её разнообразные гости постепенно привыкли к моему присутствию. А, я? Я старался не очень-то мельтешить у них перед глазами. Сидя где-нибудь в уголке за шахматным столиком, я с «увлечением» решал шахматные этюды и ждал, ждал, когда мадам соизволит выдать свою «страсть» к шахматам.

Я знал о ней всё, или почти всё! И также я знал, она любит шахматы, умеет мастерски играть и всегда побеждает. Наверное, поэтому в последнее время никто не рисковал сесть с ней за шахматный столик... сообразить партейку-другую. А, может... по какой-то другой причине? Не знаю, не знаю... , во всяком случае не берусь судить, так как был недостаточно с ней знаком.

Я тоже, если честно, был страстным поклонником шахмат, и в юности даже стал чемпионом межрегионального шахматного турнира. Частенько, находясь в школьной библиотеке я, бывало, подолгу засиживался, вперив взгляд в шахматную доску, решая какую-нибудь головоломку.

На её страсти к шахматам я и надеялся подловить её.

Защита, контратака, пассивная или активная защита – для меня не были пустым звуком. «Тот, кто намерен добиваться настоящих успехов, должен уметь делать всё или почти всё: владеть не только искусством нападения, но также упорно защищаться и контратаковать». И, я следовал этому принципу. Принципу, подсказанному самой жизнью и великими шахматными мастерами, гроссмейстерами прошлых веков: Паулем Кересом, Александром Алёхиным, Михаилом Ботвинником и другими не менее знаменитыми гроссмейстерами.

Наконец настал мой звёздный час! Мадам подошла ко мне и несколько минут заинтересованно наблюдала за моей игрой на две половины доски.

– Не надоело вам, господин художник, самого себя обыгрывать? – как-бы между прочим, спросила она меня.

– Что вы, мадам! Шахматы никогда не могут надоесть. Они не только тренируют волю, они заставляют шевелиться мозговым клеточкам.

– Хорошо сказано, господин художник – очень хорошо, точно и своевременно. – Вас не обидит, если я предложу вам сыграть с женщиной, то есть со мной?

– Ооо! Конечно..., нет, мадам! То есть, я хотел сказать – да, мадам!..

Я принял вид совершенно растерявшегося провинциала – замельтешил, засуетился и вдобавок – покраснел.

...Мне доставит искреннее удовольствие игра с таким прославленным мастером, как вы! – грубо польстил я и быстро, но неуклюже, поднялся со стула и низко поклонился.

Её лицо порозовело от похвалы. Моя грубоватая, откровенная лесть, как видно пришлась ей по душе, и она, пододвинув свободный стул, присела напротив меня.

Неужели она всё-таки глупа и скрывает свою глупость под умными, отточенными фразами, выуженными из видеодфона и настольных справочников? – засомневался я в её умственных способностях. Не должна бы – усомнился я в своём выводе, не должна. Я ошибаюсь..., нет, нет, я точно ошибаюсь.

Мы сыграли несколько партий с общим счётом 5х3 в её пользу.

– Вы сильный игрок, – похвалила она меня, – я получила огромное наслаждение от игры с вами. И тут же похвасталась: «Представляете, никто из присутствующих не может составить мне партию. Я так устала от этих тупиц...»

Глупа и чванлива, пришёл я к окончательному выводу. Но, нужно было церемонно поклониться в знак благодарности за признание моих заслуг и..., я поклонился раз, и ещё раз, со счастливой, благодетельствованной улыбкой на лице.

«Ну, погоди, зазнайка! – воскликнул я, не вслух конечно, – будешь ты у меня плакать за неуважение к своим друзьям и товарищам, будешь!».

Дня через два, за очередной партией, в которой я проигрывал, хозяйка пентхауза, как бы между прочим, предложила: «Ааа... не сыграть ли нам не на „интерес“, а на деньги? – Это добавит перцу в нашу игру!» – и глаза её сощурились в лукаво-ласковой улыбке.

Мне пришлось здорово потрудиться, чтобы скрыть свою радость. Я же только этих слов и ждал-дождался. Сыграть на деньги должна была предложить она, а не я, В этом случае я отводил от себя любые подозрения в злом умысле, и переходил в категорию баранов, вроде: «Я не причём..., так уж получилось..., это она меня заманила»... В общем – «Я, не я, и корова не моя!»

Вначале я принял вид, вроде, как засомневавшегося в своих возможностях человека. Сначала я раздумчиво покачал головой, а для усиления эффекта ещё и несколько раз взъерошил свои зелёные волосы, а затем, вроде, как решившись, принял вид залихватского парня и брякнул: «Ааа, была, не была, где наша не пропадала! – а потом добавил несколько тише, смущённо, – от моего состояния, мадам, не убудет, если проиграю парочку своих астероидов или планетку!».

– Вы... Вы настолько богаты? – удивлённо вскинула она на меня свои изумрудные глаза.

По её удивлённому взгляду можно было подумать, что она впервые слышит о моём финансовом состоянии.

– Вы не говорили мне об этом, – добавила она.

– Мадам, об этом не принято распространяться на каждом углу.

– Да, да, вы правы, я сказала глупость, извините меня, – она скромно опустила взгляд долу.

Ну, не чёрт в юбке, а чистый ангел, усмехнулся я в душе. Но, я сумел перехватить тот миг, когда в её глазах блеснули жадность и холодная жестокость.

Ах, вот ты какая на самом деле! – уже совершенно уверенный в своём выводе, подумал я, и даже немного испугался. Хотя... я, конечно, знал о её патологической жадности и жестокости из предоставленных мне документов. Но, одно дело, узнать о характере человека из документов и совсем другое, увидеть собственными глазами и убедиться в достоверности характеристики, воочию.

Глава седьмая

Мы сыграли две партии и обе я проиграл. Но, хоть и были ставки мизерными, как она постоянно твердила во время игры, я переложил в её карман, фигурально выражаясь, целый особняк. Это заставило меня насторожиться и удвоить, даже утроить внимание.

Я, если говорить откровенно, очень силен в шахматах, и проигрыш двух партий подряд заставил меня несколько усомниться в своих способностях и на какое-то время даже растеряться. Наказание не заставило себя долго ждать, я получил «мат» и в третьей партии.

Мадам была «Сама любезность». Её отличное настроение перевалило за отметку 100 баллов. Она, мило улыбаясь и чуть-чуть краснея, шаловливо рассказывала коротенькие анекдоты и смешные случаи из своей девичьей юности, и все слушали, и, наверное, с умилением думали – «Ах, какая прелесть эта женщина!»

И лишь я, внимательно наблюдавший за ней, видел, какой огонь жадности съедает её внутренности, как сжимаются и разжимаются её пальцы с длинными, кошачьими когтями, какие молнии сверкают в её глазах, когда она исподтишка смотрит на меня.

Даа, она ни перед каким препятствием не остановится для достижения своей цели, она собственными когтями и зубами будет рвать горло тому, кто станет у неё на пути: окончательно забеспокоился я, но, одновременно, и восхитился её душевной силой и пожалел её, как женщину.

Следующую партию я играл чёрными фигурами, и опять я начал проигрывать. – « Да, что же это со мной творится? В чём причина такого невезения? Я, что, совершенно, разучился играть, что она «обуваает» меня как мальчика, или на меня так подействовали чары мадам?» – обеспокоенно думал я, делая очередной ход конём и забирая совершенно мне ненужную пешку. Но, вообще-то, этот пустой ход, давал мне возможность немного попозже сложить свои знамёна перед грозным противником. Я имею в виду – по времени, а не по результату игры.

Чтобы не потерять лицо, проанализировать очередную проигранную партию – я это уже предвидел – и успокоится, уже мне пришлось попросить перерыв.

Лихорадочно вспоминая проведённые игры и поведение мадам, я вдруг обнаружил небольшую несурязицу, вернее, некую закономерность в её поведении. Как только мадам начала проигрывать, она просила дать ей возможность передохнуть и собраться с силами, намекая на свою женскую слабость. Она говорила: «Вы, мужчины, по природе своей, физически сильнее женщин и т. д.» и уходила в дальнюю комнату.

В её поведении заложена какая-то хитрость, решил я. Надо проверить. В следующий раз, когда она попросит сделать перерыв, надо проследить за ней.

К середине партии, напрягши все свои силы и знания, я начал выигрывать и, моментально, мадам запросила перерыв. Извинившись передо мной и болельщиками, она вновь направилась в дальнюю комнату.

Не долго думая, я тоже поднялся, объяснив, что хочу размяться и, как только она вошла и закрыла за собой дверь, направился в ту же сторону.

Гости кинулись к накрытым столам перекусить, поэтому за мной никто не последовал.

На всякий случай, оглядевшись по сторонам и удостоверившись, что я один в полутёмном коридоре, осторожно, стараясь совершенно не производить шума, приоткрыл дверь комнаты мадам.

Она сидела у небольшого столика с каким-то пультом и, подперев голову руками, слушала то ли выступление по интеркому, то ли...

Прислушавшись, я различил невнятный, монотонный перечень слов, букв и цифр: Kd5 – e3, LD: dl; Ke3: dl, Le8 – d8; Kdl – e3Kf6:e4;

Я понял! Я всё понял!!!

Так вот почему она, практически, никогда не проигрывала! Она играла на пару с «шахматным роботом», в нутро которого специалисты-электронщики заложили не менее тысячи комбинаций шахматных игр и этюдов.

Вот ты какая... , прошептал я.

Потихоньку прикрыв дверь, я вернулся к гостям и затерялся среди них и, вовремя, моя шахматная противница возвращалась по коридору.

Дождавшись, когда она подойдёт к гостям, и они её отвлекут, я, скрываясь за спинами присутствующих и стараясь держаться как можно больше неосвещённых мест, скользнул по коридору к комнате с шахматным роботом.

Я знал его устройство, так как в школе мы учились играть на пару с таким же, и я знал, какой чип нужно переставить, чтобы робот начал советовать ошибочные, заранее проигранные ходы.

Сделав своё «Чёрное дело», я незаметно вернулся к гостям и появился перед хозяйкой с полупустой тарелкой мидий.

Скорчив совершенно «убитое» проигрышами лицо я, бледнея и краснея от стыда, признался ей, что это моя последняя в жизни игра, так как я решил никогда больше не играть в шахматы: «Я поставлю на кон всё своё имущество и постараюсь выиграть», – и, со слезой в голосе, добавил: «Знаете, я так решил – „Пан, или пропал!“ – Конечно лучше бы „Пан“, чем „Пропал“, но...» – и, для большей убедительности своим словам, горько улыбнулся.

Она, проявив ко мне «сочувствие», стала успокаивать меня и, фамильярно похлопывая по плечу, с тонким, еле различимым сарказмом на искривлённых в ехидной улыбке губах, произнесла: «Всё в руках Всевышнего... , всё в руках Всевышнего. – Как он пожелает, так и будет!».

Я, конечно, согласился с ней и попросил сделать мне одолжение, промямлив: «Я, мол, всё равно проиграю, так чтобы этот проигрыш запомнился мне на весь остаток жизни, и отбил навсегда охоту к шахматам, пусть и она поставит на кон всё своё состояние, против моего... и, не малого. Вы же ничем не рискуете» – с горечью добавил я.

И настолько была велика её уверенность в собственном выигрыше, что она, не раздумывая, согласилась.

Как всё же велик азарт любого мыслящего существа, когда речь идёт не о своих деньгах, и не о своей жизни.

Моментально в зале всё загудело от голосов. А вскоре нашлись и доброты сбегать за юристом.

Когда все бумаги были юридически правильно оформлены и заверены нотариусом в присутствии десятка свидетелей, мы продолжили игру. Первые четыре хода добавили хозяйке пентхауза уверенности в победе, но и она стала серьёзной, перестала расточать направо и налево улыбки и пошучивать. Её пятый ход слонком оказался первым звонком к проигрышу всей партии.

Затем, счастье, как по мановению волшебной палочки, вовсе изменило ей. Несмотря на её частые отдыхи и походы в заветную комнату, она продолжала проигрывать. Лицо её, вначале покраснело, затем, побледнело, а к концу игры и вовсе приняло синюшный оттенок. Через восемь ходов: 36. h3 Kg5 37. Lg3 f5 38. Kf5 + gf 39. h4Kp g6 40. hg hg 41. Lh3f4 42. g3 Kpf5 43. f3 Ld1 + Белые сдались!

Мадам потеряла сознание, то есть, банально упала в обморок...

Глава восьмая

Ранним утром следующего дня я уже сидел в каюте каботажного космического судна не менее чем в полумиллионе миль от Кастора и рассматривал неожиданный подарок хозяйки конспиративной квартиры. Я даже не ожидал, что она так привязалась ко мне и, тем более не ожидал, что она согласится вытащить меня из пентхауза мадам, а если говорить высоким

«штилем» – она спасла меня от неминуемой смерти. . . . Ей богу, не вру! Чтоб мне провалиться в космическую чёрную дыру!

Оказывается, я немного недооценил хозяйку пентхауза, да что там недооценил, я грубо просчитался.

«Век живи, век учись!» – сказала бы моя мама в этом случае, а папа ещё и добавил бы – «Женщины сынок. . . , это такая загадка природы! – Я вот, столько лет женат на твоей маме и то не всегда могу понять, чего же она хочет на самом деле».

Вероятнее всего все необходимые распоряжения мадам отдала заранее, а может быть, это был стиль её жизни и жизни её охраны, и роли были заранее распределены? – мелькнула у меня в голове запоздалая мысль.

Во всяком случае, когда мадам потеряла сознание, а я хотел потихоньку, то есть, «по-английски», не прощаясь, удалиться, то здоровенный амбал из её охраны не выпустил меня. А как только я открыл рот, чтобы сказать, что я Свободный Гражданин Союза и он не имеет права меня задерживать, грубо предупредил: «Вякнешь что, порешу. . . сразу! Сиди и не рыпайся!».

Я не полный идиот, чтобы не сообразить – меня самым банальнейшим образом заманили в ловушку, и я не первый, кого засунут здесь в мешок и вынесут через чёрный ход. Хотя, справедливее будет сказать несколько по-другому: я сам, по собственной воле, залез в осиное гнездо, а о других, попавших сюда, я так сказать не могу, я скажу просто – их заманили красотой и лестью.

Пока мадам приходила в себя от неожиданно-плачевного для неё результата игры, я нажал на интеркоме кнопку «SOS» и моя хозяйка конспиративной квартиры, конечно по предварительной с ней договорённости, через считанные секунды, зависла на воздухолёте над открытой прогулочной террасой.

Пока охрана, раскрыв рты от неожиданности, глазела на волшебное появление воздухолёта с женщиной за штурвалом, я уже сидел в кабине, и воздушная машина уносила меня всё дальше и дальше от разбойничьего гнезда.

* * *

Итак, я рассматривал подарок хозяйки конспиративной квартиры. Это был совершенно без огранки, красновато-коричневого цвета, небольшой камешек на цепочке из нержавеющей стали. Я не геолог и объяснить его природу не могу, но он был красивым и тёплым, и мне подарок понравился.

Хозяйка появление у неё брелока объяснила просто – нашла на улице, под деревом. Да, собственно, какое мне дело, где она его взяла или нашла! – подумал я, и тут же, как чёртик из шкатулки, откуда-то из закоулков памяти выскочило одно из древнейших земных выражений – «Дарёному коню зубы не чистят!» Нет, нет, не так, я, кажется, ошибся! Конечно же, ошибся! Кажется, говорят так: «Дарёному коню зубы не смотрят». Ну, не смотрят, так не смотрят, согласился я в душе и надел цепочку с камешком на шею вместо брелока.

* * *

Первая остановка корабля была на Поллуксе, и я собирался там пересесть на большой межзвёздный лайнер, чтобы добраться до созвездия Геркулеса. На Геркулесе меня ожидало новое задание.

Чтобы скоротать время в пути и заодно восстановить кое-что в своей памяти, я решил заняться древней астрономией. Пока я выполнял задания мне было не до неё, а сейчас я был свободен, как земная птица Орёл, и времени у меня было предостаточно.

Уточнив по радиокому время прилёта на Поллукс, я комфортно устроился в кресле и, смежив веки, представил карту звёздного неба.

Стоп!.. Я ведь могу и ошибиться! – натянул я поводья скакавшим галопом мыслям. Насколько я помню... звёзды меняют своё положение... – Нет, не то..., не то..., нужно подойти к этому вопросу по другому.

Давай, думай, включи все свои мыслительные способности, подстегнул я себя.

В школе мы изучали расположение звёзд и созвездий по карте составленной землянами, так? Так. А у землян... местоположение звёзд на небе зависит от сезона..., так? Так. Какой сезон я лучше всего запомнил? Прикинем, подумаем, вспомним...

Агаа, я лучше всего помню положение созвездий на вечернем небосводе..., весной... и, уж коли я нахожусь в созвездии Близнецов, то и начну с него. Чего мудрить-то!

Итак, что о них говорит древнегреческая легенда?

А она говорит, что созвездие расположено слева от Тельца и имеет две яркие звезды – Кастор (α) и..., кажется, Полидевк [римское – Поллукс (β)]. – два брата, нежно любившие друг друга. Когда Кастор погиб в бою, Полидевк не пожелал жить без него и попросил Зевса послать ему смерть. Зевс, сделавший обоих братьев бессмертными, разрешил Полидевку проводить одни сутки вместе с братом в подземном царстве, а другие... они оба проводили в обществе богов на Олимпе (по другой легенде – в награду за их братскую любовь, Зевс сделал их созвездием).

Ну, вот, оказывается, не забыл! Любопытно, а ещё я что-нибудь помню? Попробую-ка проложить путь от Полидевка (Поллукса) до созвездия Геркулес. Значитца, так:

Сначала я перелетаю на созвездие Рака, а затем..., а затем: Лев, Волосы Вероники, Волопас, Змея или Корона и, вот он, Геркулес. Прекрасно, в общем-то не так уж и далеко, подумаешь, полгода пути. Зато как отдохну, наберусь сил, в тренажёрный зал похожу, а то, что-то мышцы, я потрогал бицепсы, вроде бы ничего, но, на всякий случай... потренируюсь.

С этой, последней мыслью о тренажёрном зале, я и задремал.

Через день и несколько часов с минутами, я был на Поллуксе и, украдкой осмотревшись по сторонам, не следит ли за мной кто-нибудь, купил в кассе билет на пассажирский лайнер Поллукс-Пегас-Андромеда, до Геркулеса.

Мне повезло, мне здорово повезло, «хвоста» за мной не было. Вероятно, телохранители и наёмные сыщики ещё не сообразили проверить список пассажиров на межзвёздном космодроме и искали меня в Мегалополисе. Что ж, Звезду им в руки... самую большую! – пожелал я им. Чем дольше они будут меня искать, тем дальше я улечу от них, здраво рассудил я, но тут какая-то мысль, очень даже неприятная, кольнула меня. А, если они догадаются и... в ближайшее время наймут быстроходный катер и... догонят лайнер, то...

«Бережёного – Бог бережёт!» – сказал я себе, и бегом направился в СПА-салон. Операция по моему перевоплощению отняла у меня пару часов и уйму кредиток, зато из салона я вышел уже смуглокожим и с чёрными, в завитушках волосами.

Я стал самим собой: стал таким, каким родила меня мама, таким, каким я впервые появился на пороге спецшколы, таким..., каким я познакомился с Гвен... – Надеюсь, теперь меня никто не узнает, решил я, и бодрым шагом направился в «Макдональдс».

Глава девятая

Лайнер, как кит макрель, поглощал пространство между звёздами и звёздными системами. Я прекрасно проводил время. По утрам ходил в тренажёрный зал накачивать мышечную массу и сгонять лишний жирок, посещал бар или дискотеку, флиртовал с девушками.

Попивая коктейль или танцуя с какой-нибудь уроженкой неизвестной мне планеты XbkbN, я вспоминал попутчицу со звездолёта XP12.01MARS-ZEM, девушку с планеты Upsi2D.

Такой попутчицы поискать и поискать, решил я – красивая, жизнерадостная, одновременно шаловливая и, главное, умная, она была для меня напоминанием о прежней, послеспещ-школьной жизни, когда я ещё не начал выполнять задания.

Наконец-то до меня дошло – мне её не хватает и я бы очень обрадовался, если бы она появилась здесь, но, увы! Такое чудо случается только в сказках, да и то не всегда и не в космическом пространстве на борту скоростного, межзвёздного лайнера.

* * *

Звездолёт преодолел, по моим расчётам, более трети расстояния. Я радовался, что избежал лап экс-министра и «мадам» и могу позволить себе, так редко выпадавшее при нашей работе, «ничегонеделание».

Принимая искусственную солнечную ванну, я лежал, закрыв глаза, и представлял, как когда-нибудь моя дорога пересечётся с дорогой понравившейся мне девушки с планетки Upsi2D, как она обрадуется встрече и мы...

Чья-то прохладная рука, прервав мои сладостные мечты, прикоснулась к моему плечу. Я, решив, что моя мечта смогла каким-то непостижимым образом воплотиться в жизнь, воскликнул: «Гвен?» – и открыл глаза. Вместо прекрасной девушки, вместо Гвен, я увидел у своего изголовья корабельного стюарда. А увидев, тут же услышал вежливое:

– Господин, вам пора собираться. – Через два часа шлюпка доставит вас на место.

– Какая шлюпка...? Какое место...? – ничего не понимая, пожал я плечами, – ты, дорогой, меня с кем-то путаешь. – Мне ещё далеко лететь, проверь, любезный, билеты и список.

– Я всё проверил, господин, – последовал ответ. – А, если вы мне не верите, – обиделся стюард, – пройдите к командиру корабля, он вам повторит то, что я вам сказал.

Возмущённый до глубины души не только словами стюарда, но и прерванной мечтой я, в сопровождении вышколенного мальчика, поднялся в командирскую рубку и... получил подтверждение слов исполнительного стюарда.

На моём пластиковом билете, а что это был мой билет, я совершенно не сомневался, при помощи электронного кода было нанесено: конечный пункт – Регул, в зодиакальном созвездии Льва.

Вот те наа...

Я стоял, недоумённо «хлопал» глазами и ничегошеньки не понимал, ну, совершенно ничегошеньки! Я же прекрасно помню, как я покупал билет, как совершенно отчётливо назвал конечный пункт – Геркулес... Ну, не в беспамятстве же я был в тот момент?

Причём здесь Регул?.. Не знаю я никакого Регула!.. Да чёрт меня заberi, я даже не знаю, с чем его едят, в конце концов! – окончательно заволновался я.

– Послушайте, капитан, я доплачу, честное слово доплачу, сколько необходимо за билет до Геркулеса, потому..., потому... что я..., потому что... я передумал здесь выходить..., я полечу с вами дальше...

– Ничем не могу Вам помочь, – капитан был сама любезность и холодная невозмутимость. – Мы не имеем права продлять, а тем более, продавать билеты. Уж, коль вы приобрели билет до Регула, то и должны покинуть корабль именно в Регуле.

– Но..., капитан!!!

– Разговор окончен, через полчаса ваша шлюпка будет готова к спуску на планету! – уже совсем сухо подтвердил своё решение командир звездолёта.

Совершенно выбитый из колеи, ничего не соображающий, с кружащейся от вихря мыслей головой, я вернулся в каюту собирать вещи.

Регул..., Регул..., попытался я восстановить в своей памяти знания об этой планете. Это же совершенно пустынная, незаселённая планета и расположена она посередине между Волопасом и Близнецами... под Большой Медведицей. Господиии... – Да, что же это в самом-

то деле? Откуда эта напасть на меня свалилась? Не иначе, как чёрт вмешался в мою жизнь и строит козни.

Спокойно, Джонатан, спокойно, одёрнул я себя. Думай, вспоминай. Иначе нельзя. Иначе гибель..., со всеми вытекающими...

Какими..., вытекающими...? – испуганно, холодея от неизвестности и страха, метался я по каюте, как попало собирая и укладывая вещи. А мозг, напрягая память, вспоминал, вспоминал...

Время появления этого созвездия на утреннем небе совпадало для древних вавилонян с периодом наибольшего зноя, когда страна превращалась в пустыню, а голодные львы бродили по ней в поисках пищи. Бр-р-р! Не дай, Всевышний, встретиться с ними, если они продолжают там бродить!

Ярчайшая звезда Льва носит название Регул – «Звезда царей». Считалось, что в момент, когда это созвездие появляется на небе, рождаются Великие Цари.

«Да не хочу я быть царём, ни Великим, ни маленьким!!!» – заорал я.

Но меня никто не услышал, я был в каюте один...

Вторая, по яркости, звезда – Денебола (по-арабски «дзенеб-эль-азед» – хвост льва) расположена у самой границы созвездия Волосы Вероники. Древние греки связывали название этого созвездия с Немейским львом – животным-исполином, которое терроризировало окрестности города Немеи. Кожа его была твёрдой как камень. Геракл, осуществляя свой первый из двенадцати подвигов, загнал льва в его логово и задушил его руками (мне бы так, если встречусь со львом).

Так вот, куда забросила меня судьба по ошибке или по чьему-то злому умыслу. Не выйду из корабля, решил я, спрячусь где-нибудь...

Но капитан был прозорлив и умён. Он, вероятно, понимал, какие мысли могут возникнуть у сумасшедшего пассажира, решившего купить билет до Регула. И не успела мысль окончательно сформироваться в моей голове, как в дверях показались два работника из службы безопасности.

* * *

В сопровождении двух «комодов» я, как в сомнамбулическом сне, спустился на лифте в первый ярус лайнера на шлюпочную палубу, затем, в вакуумной камере влез в тёмное нутро шлюпки и, как только люк герметически закрылся, шлюпка была отстрелена от корабля в пустынный космос.

Господи, чуть не рыдал я, пока шлюпка стремительно доставляла меня на поверхность совершенно ненужной мне планеты, кому я так «насолил», почему именно такое наказание выпало на мою долю? Неужели килеры экс-министра или мадам сумели выследить меня и решили разделаться таким жестоким способом?! Лучше бы на Касторе, в цивилизованном мире оборвалась моя молодая жизнь... – Неужели они сумели подкупить кассира и он продал мне такой билет? О, Боже...»

Я бы ещё, наверное, долго предавался горю и стенаниям, если бы не чей-то мелодичный, похоже женский голос, из темноты не прервал меня:

– Эй, хватит ныть, ты мужчина или, кто?

От неожиданности я вздрогнул и испуганно, дрожащим голосом «проблеял»:

– Кто? Кто здесь?!

– Неужели непонятно. Обыкновенная пассажирка, а не нытик, как некоторые! Тоже мне – мужчина называется...

В голосе сквозила явная насмешка и сарказм.

Я пристально всмотрелся в темноту, пытаюсь определить, откуда доносится голос и кому принадлежит.

– Да не тарашь ты глаза в темноте, зрение испортишь! – раздался тот же голос, – включи освещение, придурок!

– Аа-а..., где...

– Господи, ну и послал же ты мне попутчика!!! – окончательно возмутился голос.

Что-то щёлкнуло в темноте, и всё вокруг залил голубоватый, чуть мерцающий свет.

На переднем сидении возвышалась одетая в дорожный, серебристого цвета комбинезон, я сразу, по фигуре, сообразил, молодая девушка. Она повернула ко мне своё лицо, вероятно, чтобы сказать очередную колкость.

– Гв-е-ен?!

– Джо-на-ган?!

Да, я не ошибся, это была она, моя девушка с маленькой планеты Upsi2D.

– Ноо..., как ты оказался (ась) здесь?! – воскликнули мы одновременно.

А мгновением позже я почувствовал мягкий толчок и покачивание на амортизаторах приземлившейся шлюпки.

Я прибыл, согласно «приобретённому» билету, на место, на планету Регул.

Р е г у л

*«...Они пришли на окраину дремлющего мёртвого города,
озаряемого светом двух догоняющих друг друга лун.
ени протянувшиеся от их ног, были двойными.
Луны, точно околдовали, заморозили их...».
(Рэй Бредбери, «Марсианские хроники»)*

Глава первая

Я стоял сощурился глаза от нестерпимого блеска песка, а сверху меня опаляли жаркие, безжалостные лучи двойного солнца, казалось, меня переместили в ад, о котором в детстве рассказывала моя мать. Или я, без задержки, угодил в середину жаровни. А, как себя чувствует Гвен? – мелькнула обеспокоенная мысль, и чуть-чуть приоткрыв глаза, я осмотрелся вокруг.

Гвен, казалось, не чувствуя полыхающего вокруг жара и сверкающего всеми цветами радуги песка, возилась со своим походным снаряжением. Только сейчас я достаточно хорошо рассмотрел её экипировку: блестящий, из светоотражающего материала, комбинезон; мягкие сапоги на толстой подошве; военного образца панамы и висящие на цепочке светозащитные очки, как нельзя лучше подходили к местным условиям.

Даа... не то, что у меня, с огорчением констатировал я, оглядев свой неприхотливый наряд. Моя одежда совершенно не была приспособлена к пребыванию на этой планете. Лёгкие, грязно-зелёного цвета полотняные брюки, чуть посветлее, но такой же расцветки рубашка «Апаш» и лакированные, на тонкой подошве, светлые туфли – да я через полчаса превращусь в головёшку, с иронией подумал я о себе, и совсем невесело улыбнулся.

– Ты чего скалишься? – услышал я.

Я в своих заботах и мыслях на мгновение совершенно позабыл о Гвен и не видел, что она уже давно наблюдает за мной. Пожав плечами, я промолчал.

– Джонатан, ты что, не слышишь меня? Раскрой свой кофр и найди чем-нибудь прикрыть свою глупую кучерявую голову. – Если не сделаешь этого, через двадцать минут у тебя случится тепловой удар, а мне совершенно этого не надо.... Возись потом с тобой.

– Да нет у меня никаких головных уборов, и не было. Не люблю я их, ты же знаешь...

– Ну, хоть майка или рубашка у тебя есть? Намотай в виде чалмы на голову, и на тело что-нибудь надень...

– Гвен, ты что, не видишь? На мне, между прочим, что-то похожее на рубашку надето.

– Джонатан, не сердись на меня! – в её голосе послышались приказные нотки. Надень куртку, я тебе говорю! У тебя «что-то похожее раньше было», – с сарказмом передразнила она меня.

– Так жарко же, я уже сейчас потом обливаюсь.

– Лучше жарко, чем плохо! Идиот!

Ворча, я сделал так, как сказала Гвен, и что удивительно, мне стало легче. Голову не пекло жаркими лучами солнца, и чувствовал я себя уже не как «карась на сковородке».

– Гвен, можно подумать, ты здесь уже... бывала. Может, скажешь, куда нам идти? А то я, в этой пылающей жаром печке, долго не выдержу и, поколебавшись мгновение, спросил: «Гвен, ты зачем... сюда... прилетела и, вообще, как сюда попала?»

– Как попала, да как попала? Захотела, вот и попала. – Между прочим, если ты соизволил заметить, я прилетела на корабле, а вот ты-то, как в шлюпке оказался?

– Понимаешь-ли, я до сих пор понять не могу. У меня по какой-то, пока неизвестной для меня причине, билет оказался досюда... Странно всё это. Яаа..., я в другое место собирался попасть, а оно видишь как получилось.... Хотя..., сейчас я уже и не жалею, что так вышло....

Солнце продолжало поджаривать меня, и я, не выдержав, заорал:

– Гвен, не выкобенивайся! Ты знаешь, в какую сторону нам идти, или нет? Если знаешь, то быстрее говори, иначе из меня последний жир вытопится.

– Неет... не знаю, – и, оглядевшись вокруг, раздумчиво добавила, – знаешь Джо, совершенно не представляю. Давай попробуем сориентироваться.

Я ещё раз осмотрел всю местность вокруг и ничего, кроме песка и небольших песчаных барханов не увидел. Даа, положеньице, подумал я. Если через пару часов мы не найдём укрытия от палящего солнца, наш организм обезводится и мы превратимся в высохшие мумии.

Пока мы так разговаривали и осматривали местность, на груди у меня начало что-то так жечь, так жечь, что, не выдержав боли, я залез рукой под рубашку и нащупал предмет, который обжигал меня. Вытащив это жгущее, я очень удивился – красно-коричневый камешек стал похож на горящий уголёк и обжигал руку. Я быстро снял цепочку с шеи и хотел забросить его подальше, но быстро, почти бегом, подошла, Гвен. Вид у неё был какой-то взволнованно-восторженный. Перехватив мою руку, она выхватила цепочку с горячим камешком.

В таком восторженно-возбуждённом состоянии я ещё ни разу её не видел.

– Откуда это у тебя, говори?! – в её голосе вновь появилась требовательность и жёсткость, – что молчишь, украл?!

Ошеломлённый её поведением и словами, я молчаливо пожал плечами, а затем, обиженно проговорил:

– Почему... сразу... украл? Это подарок моей квартирной хозяйки.

– Не врешь?

– Мне это надо?

– Отдай мне его. Ты же всё равно собирался его выбросить.

Я что-то заподозрил в её словах. Меня насторожили и её поведение, и учащённое дыхание, и взгляд – она с такой жадностью, любовью и восторгом смотрела на кусочек горячего камешка, что это показалось мне даже неприличным.

– Извини, Гвен, но я не собирался его выбрасывать..., я его остужал, – соврал я и, ещё раз повторил, – извини! – И попытался через импровизированную чалму вновь водрузить его на место.

– Подожди, Джонатан, подожди!!! Ты даже не понимаешь, какая вещь у тебя в руках, и ты..., ты не сможешь ею воспользоваться, как надо.... Дай мне её хотя бы на время.

Я заколебался..., нуу, совсем немножечко..., но всё же...

– А, ты вернёшь мне его, не обманешь?

– Верну, верну, не переживай, – в её голосе появились просящие нотки. – Только дай мне его сейчас, он нас выведет к людям.

– Этот камешек? – с иронией усомнился я. – Ну и фантазёрка же ты, Гвен. Хотя, ладно, раз дала слово..., поверю на этот раз, но если... – всё ещё колеблясь, я протянул ей источающий жар, камешек.

Она взяла его в руку, посмотрела на него, казалось, она пыталась что-то найти на нём, затем, стала медленно поворачиваться вокруг своей оси. Двойная тень на песке тоже пришла в движение – она, колеблясь, то сужалась, то расширялась.

Я с любопытством наблюдал за манипуляциями Гвен с камнем, и всё ещё ничего не понимал.

Сделав полный оборот, она протянула руку в сторону ближайшего бархана и произнесла:

– Нам туда!

– Это тебе камешек подсказал? – в моём голосе явно прозвучал сарказм, – ты не ошибаешься, подруга?

Но она, ничего не ответив, вернулась к своему мешку, а вместе с ней, даже не сказав «Прости!», ушёл и мой камешек.

– Так ты, идёшь? – надевая лямки вещевого мешка на плечи, спросила она.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Глава вторая

Таща кофр по песку, я на первых же десяти ярдах понял – это не гладкое покрытие аэровокзала или тротуара, это песок, Чёрт его поberi! и колёсики здесь не помощники, а наоборот.

Подхватив кофр за ручку, я попытался ускорить шаг, чтобы догнать ушедшую вперёд, Гвен, но песок быстро набился в туфли и стал, как наждаком, натирать ноги. Даа, так я далеко не уйду, понял я, а вот Гвен, она, действительно, сюда направлялась, обожгла меня догадка. Она, или знала что-то об условиях на этой планете, и поэтому так экипировалась, или же очень предусмотрительная.

Но, как-бы там ни было, она всё дальше и дальше удалялась от меня.

– Гвен, пожалуйста, умерь свою прыть! – закричал я своей подруге, – я не могу так быстро идти, как ты. Я же не спидер, в конце-концов.

– Ты же знал куда летишь, вот и надо было одеваться соответственно, – «уколола» она меня.

– Чёрт тебя забери! Я, что, двадцать раз должен тебе объяснять, как я сюда попал, – возмутился я эгоизмом девушки, – я же не по своей воле!

После моего возмущённого восклицания, она всё же замедлила шаг, и я вскоре догнал её. Теперь мы шли рядом. Я частенько останавливал взгляд на её одежде и, если честно, завидовал – мне бы так быть одетым: высокие голенища ботинок не позволяли песку попасть внутрь, толстые подошвы не пропускали жар, исходящий от песка, а уж о комбинезоне и говорить нечего.

Даа, мне бы такую одежду, в очередной раз позавидовал я и облизал пересохшие, начавшие покрываться сухой корочкой, губы.

Мы шли уже часа три, а впереди, сколько видели глаза, простирался всё тот же, сверкавший под лучами жаркого двойного солнца песок, и не было даже намёка на какое-нибудь деревце. Даже кустарник, типа перекасти поле, не рос здесь. Здесь была вотчина песка – вокруг песок, песок, только песок и ничего более! Хорошо ещё, что я по совету Гвен, закрыл лицо полотенцем, оставив только узкую щелку для глаз, а то бы давно ослеп, а лицо от ожогов покрылось бы волдырями.

Кофр я давно бросил, вытащив из него и надев на себя несколько рубашек и расстав мелочь по карманам.

Моё тело покрылось обильным потом, и мне даже казалось, что моя одежда промокла насквозь, но она была сухой и, как ни странно, я сейчас переносил зной легче, чем в начале приземления. Совет Гвен надеть на себя побольше рубашек и закрыть лицо полотенцем, как нельзя вовремя пригодился мне.

Гвен продолжала уверенно идти впереди, а я, оскальзываясь, постоянно останавливаясь, чтобы вытряхнуть песок из туфель, плёлся позади.

Несмотря на свою хорошую физическую подготовку и желание не показаться слабаком, я окончательно и бесповоротно вымотавшись, запросил небольшого отдыха.

Каково же было моё удивление, когда Гвен, моя дорогая Гвен, услышав мою просьбу, мешком повалилась на песок. Её лицо было бледно, пот ручьями тёк по щекам, а руки мелко мелко дрожали.

– Господи, Гвен! – ахнул я, – зачем же ты так, а?! Мы могли бы раньше устроить отдых. Гордость здесь не к месту, ты же слабая женщина...

– Я не слабая женщина, – услышал я её прерывающийся шёпот.

– Конечно, конечно, – поспешил я согласиться с ней. – Ты не разговаривай много, ты помолчи, ты отдыхай, пожалуйста...

Восстановив дыхание и передохнув, я помог Гвен, тоже немного отдохнувшей, подняться с песка, и мы пошли дальше, но уже не так быстро. Гвен сбавила обороты.

Впереди был всё тот же горячий, режущий своим блеском глаза, песок, а сверху два, посылающих свои обжигающие лучи, солнца. Я совершенно выбился из сил. Гвен тоже. Я это видел и чувствовал.

В своём движении мы были похожи на двух выпивших виски людей. Мы, еле передвигая ноги, часто спотыкаясь и падая, медленно продвигались вперёд. А упав, медленно-медленно, помогая друг другу, поднимались и опять, делая три-четыре шага, падали. Это был изнурительный путь!

После очередного падения, еле шевеля запёкшимися губами, я спросил:

– Гвен, ты не ошиблась в направлении?

– Нет, – ответила она слабым голосом, – но я больше не могу идти. Оставь меня здесь, Джонатан.

Как я мог её оставить, такую нежную, добрую, ласковую, такую слабенькую физически, и такую сильную духом. Взвалив её на плечи, покачиваясь от усталости и напряжения, я сделал шаг, затем второй и упал...

Сколько раз я вставал, взгромождал Гвен на спину и, делал шаги, в моём затуманенном усталостью и жарой мозгу не запечатлелось. Я терял сознание, вновь приходил в себя, поднимал девушку, делал шаг, затем, другой..., и вновь терял сознание.

В очередное своё просветление я сообразил, что не несу на себе Гвен, не делаю шаги – я ползу и тащу её за воротник комбинезона, а впереди меня всё тот же песок и двойное жаркое солнце над головой.

Во мне не осталось ни капли влаги, я чувствовал себя как обгоревшая, обуглившаяся головёшка, и мне иногда казалось, что мои кости при каждом маломальском движении издают сухой треск и шелест.

Господи, взмолился я, помоги! Помоги спасти девушку от смерти, и меня в доброте своей не забудь!

Кое-как разлепив веки, я увидел – мы на вершине бархана, а впереди, в знойном мареве, виднеются верхушки деревьев.

Прошептав «Потерпи, милая, ещё немного. Пожалуйста, не умирай, я люблю тебя» – вновь потащил Гвен за собой.

Теперь мне было легче – я спускался вниз, впереди у меня была цель, впереди, за следующим барханом, были деревья. У меня даже мысли не возникло, что это может быть не настоящий оазис, а чистейший обман зрения, потоки перемещающегося горячего воздуха, что это мираж.

Не знаю, как мои движения выглядели со стороны, но я думаю, как у черепахи.

Я загребал руками, отталкивался ногами, подтягивал к себе девушку и, зажав зубами её комбинезон, опять тащил вперёд.

Так повторялось сотни, тысячи, миллионы раз. Вообще, сколько? Не знаю, но я дотащил её и себя до какого-то маленького озера и вполз в него. Последним усилием я расстегнул комбинезон на груди Гвен, побрызгал на лицо и, зачерпнув ладонями воду, попробовал влить ей в рот хоть несколько капель влаги и..., отключился окончательно.

Глава третья

Пришёл я в себя совершенно неожиданно, как-то без раздумий, резко. Мне почему-то показалось, что чей-то пристальный взгляд пронизывает всё моё существо. На удивление, чувствовал я себя прекрасно, казалось, вовсе не было того многочасового нелёгкого пути по песчаной пустыне. И как-будто не я поднимался и не я спускался по барханам и, что не я тащил Гвен, и вообще, ничего такого не было.

А, как же Гвен? – спохватился я – жива или нет? – и открыл глаза.

Я лежал под деревом, в тени. Над головой, вверху, метрах в пяти-шести, слегка покачивались ветви кокосовой пальмы со спелыми плодами, а чуть в стороне, на другом дереве, пониже, висели гроздь бананов.

Это или сон, или я умер, и мне всё мерещится, решил я, и закрыл глаза.

– Эй, Джонатан, хватит валяться и придуриваться. Вставай, пора двигаться дальше! – раздался у меня над ухом звонкий голосок Гвен, или... это мне показалось, что я услышал?.

Да, я умер, пришёл к окончательному выводу я. Если бы я был жив, то откуда бы здесь взялся звонкому, чистому голосу моей подружки. Она же была без сознания, полумёртвая, или... почти мёртвая.

И от страха потерять Гвен, я опять резко открыл глаза, чтобы убедиться, что она здесь, что она рядом со мной и не умерла.

Сбоку от моего изголовья, на коленях, склонив голову набок, стояла совсем даже не мёртвая, а живая и задорная Гвен, и насмешливо улыбалась.

– Ты... правда..., живая Гвен, любовь моя? Ты... не умерла? Или мне это только снится? – прошептал я, не веря в реальность происходящего.

– Дурачок, конечно, это я, и не сон это вовсе, – вновь услышал я милый голосок своей любимой девочки, – вставай, дорогой, пора двигаться дальше.

Я, ничего не замечая вокруг, смотрел только на неё, и слышал только её голос.

Джонатан, да что с тобой? Ты смотришь на меня таким взглядом, будто я вернулась с того света. Спасибо тебе, Господи! – поблагодарил я Всевышнего. Спасибо, что услышал мою просьбу! – и, встав на колени, я крепко прижал к себе Гвен.

И вновь, как чуть раньше до этого, я почувствовал пронизывающий меня насквозь, чужой, изучающий взгляд. Оторвавшись от девушки, я оглянулся назад.

В пяти-шести ярдах, на солнцепёке, стояли трое, по виду детей лет по одиннадцати-двенадцати и смотрели на нас. А позади них красовались какие-то, похожие на страусов, птицы, что ли.

Дети, или кто они там на самом деле, смотрели на нас, вернее, они смотрели на меня, а я смотрел на них.

Потом я медленно перевёл вопросительный взгляд на Гвен и, не успев задать вертевшийся на языке вопрос, как услышал:

– Не волнуйся, Джо, это наши друзья. Они видели, как мы, то есть, ты, притащил меня к священному озеру и примчались на помощь.

– Но... они...

– Да, Джо, – не дослушала она меня, – они похожи на меня, они мои соплеменники, которых я искала всю жизнь и, наконец-то, нашла...

Я переводил взгляд с неё на них и обратно, и не находил ничего общего в их облике с моей Гвен. Они были смуглы как и я, глаза их были..., только сейчас, пристально взглядевшись, я обнаружил – да, глаза их были того же цвета, что и у Гвен – желтые и такой же формы, как у марсианских кошек, а в остальном..., нет, они здорово отличались от Гвен.

...Поверь мне на слово, дорогой, – торопливо, проглатывая окончания слов, продолжала быстро говорить Гвен. – Потом, чуть позже я тебе, если разрешат старейшины, всё расскажу, а пока, вставай, и поехали.

Я оглянулся вокруг и не увидел ни одного маломальского транспортного средства. Вопросительно подняв брови я, по давно укоренившейся у меня привычке, хмыкнул:

– Что-то я не вижу здесь ни одного маломальского средства передвижения, хотя бы вроде ослика с длинными ушами – скривился я. – Или я совсем слепой? – и опять хмыкнул.

– Я тоже не совсем поняла, на чём мы поедem, но они показывают – посмотри Джо – на этих птиц.

Точно, пока я слушал подружку, двое уже сидели верхом на, похожих на страусов, птицах, а третий ребёнок, делал приглашающие жесты и показывал на спины других птиц.

Мы подошли ближе к группе из детей и птиц, и один из них, кажется это был мальчик, что-то проговорил. Две птицы подошли к нам и, подогнув длинные ноги, опустились на песок. Следующий жест ребёнка был понятен без слов.

Осторожно, боясь раздавить или сломать птице позвоночник, я сел на неё и она, не успев я и слова произнести, легко поднялась на ноги, а я оказался лежащим на песке.

Увидев мой кувырок, Гвен громко рассмеялась, а дети заулыбались.

Ну, раз моя подруга, моя жёлтоглазая любовь смеётся, значит всё хорошо, значит с ней всё в порядке.

Нечего смеяться над бедным неумейкой, – как-бы обиделся я, – подумаешь, сверзился! – Посмотрим, как ты, подруга, справишься. Но она справилась намного лучше меня, она не упала, а я вынужден был воспользоваться помощью старшего из ребят. Это меня задело невероятно, и я восседал на спине «страуса», надувшись как сыч.

– Джонатан, не бери в голову, – стала успокаивать меня Гвен, – научись и ты: – Ты ещё будешь в соревнованиях участвовать, дорогой.

Произнеся «успокаивающие» слова, она подмигнула мне.

Но мне было не до соревнований. Кто-то из ребят издал какой-то горловой звук, и страусы, или кто они там, помчались со скоростью, спидера. Я крепко обхватил ногами своего «коня» и еле удерживаясь на спине, помчался следом. А, Гвен?..

Настала моя минута торжества! Она завизжала, наверное, от страха и, ухватив страуса за шею, почти легла на него.

Мы неслись со скоростью не менее тридцати миль в час. Горячий воздух бил в лицо, залазил во все щелки одежды, но это всё же был не такой мучительно обжигающий жар как, когда мы тащились по песчаным барханам.

Потом-то я узнал, страусы могут бегать и с большей скоростью – до семидесяти миль в час. А сейчас..., и эта скорость для меня и, думаю, для Гвен, была огромной.

Когда я немного приловчился удерживаться на спине своего пернатого спидера, и у меня появилась возможность смотреть по сторонам, я увидел то, что должен был увидеть раньше, или хотя бы догадаться. Страус имел узду, и сейчас она свободно болталась у него на шее.

Кое-как дотянувшись до неё, я натянул «поводья», и мой «спидер» остановился.

Вон оно как, засмеялся я, теперь нам не так страшна езда на страусе. Гопля, гопля! Поехали дорогой, а то мы отстали, и можем затеряться в этой чёртовой пустыне. Думаю, затеряться мне бы не удалось, потому что страус и без моих понуканий со всей прытью помчался вслед за удалявшейся кавалькадой.

А минут через пять подпрыгивания на спине «спидера», в знойном мареве я увидел серые постройки, похожие на высокие дома. Их было так много, что я сразу сообразил – это город, но только какой-то странный.

А странным он мне показался по одной лишь причине – он был..., он был....

Господи, да, ведь это же развалины города! – непроизвольно ахнул я. Ааа, где же живут жители, неужели в этих развалинах? Господи, куда ты меня затащил? Ии-и, почему я раньше его не увидел. Оглянувшись назад, я моментально получил ответ – город располагался в низине, а я был на гребне ровного-ровного плато. Прими я чуть правее, когда полз по пескам, я бы приполз прямо в город.

Вот судьба! Обязательно надо было нам подставить подножку и привести к озерку. А может это и к лучшему...? Кто ответит на этот вопрос? Только не я.

* * *

Вся кавалькада остановилась, наверное, чтобы мы с Гвен полюбовались панорамой разгромленного города.

Гвен, часто жестикулируя, о чём-то спрашивала, если можно так сказать, у ребят, а они, тоже жестикулируя, пытались что-то ей объяснить.

Рассматривая открывшиеся передо мной величественные развалины, я обратил внимание на бирюзовую полосу за ними. Она начиналась с другой стороны города, где-то за зданиями, и скрывалась за горизонтом.

Подъехав на «пернатом скакуне» к Гвен, я потерял её за рукав и, когда она оторвалась от созерцания развалин, попросил спросить у ребят, что это там, за городом. Она «поговорила» с ними и показала в сторону полосы, а затем, выслушав ответ, повернулась ко мне – это море!

Я ошарашено «захлопал» глазами. Ну, надо же, здесь и море есть! Вот здорово! Ох, и накупаюсь я! – обрадовался я перспективе поплавать и понырять. Всю жизнь мечтал попасть на море, и надо же..., нашёл его среди горячих песков...

– Гвен, это ж моя золотая мечта детства... увидеть море и поплавать в нём.

И настолько сильно было моё желание окунуться в морские воды, что я физически ощутил, как тёплая, мягкая вода приняла меня в себя. Я даже глаза закрыл от удовольствия и почмокал губами.

– Джонатан, не раскатывай губы раньше времени! – прервала мою «золотую» мечту, Гвен. – Лучше поехали, ребята торопят... Они говорят – здесь небезопасно!

– Ехать, так ехать, – пробормотал я, и тронул своего «скакуна»

.
* * *

Мы проезжали по широким улицам среди полуобвалившихся зданий, гуськом пробирались через проходы сделанные среди завалов...

Оглядываясь по сторонам, я видел лишь пустоту и разрушения.

Пустыми глазницами окон на нас смотрели кое-где уцелевшие, покрытые копотью стены зданий, и нигде я не увидел ни одного деревца. Это был мёртвый, но, быть может, когда-то очень красивый город.

Проезжая по улицам, вернее, по тому, что было раньше улицами, я видел: кое-где, сквозь древнюю копоть пожарища, проглядывали изумительного рисунка орнаменты и барельефы. По пути нам встретилось несколько прекрасных, более-менее сохранившихся колонн и порталов.

Красивый и богатый город когда-то был! – окончательно пришёл я к выводу. Жаль, что кто-то его разрушил.

Несколько раз повернув направо и налево на перекрёстках, мы оказались на огромной площади. На удивление, она была освобождена от обломков, и плитка, покрывающая её, сверкала первозданной чистотой.

Странно, неужели у них так мало осталось горожан, что они не смогли освободить от завалов хотя бы пару кварталов вокруг площади? – удивлённо, и с некоторым сомнением, подумал я.

Но я не успел спросить об этом наших сопровождающих, вскоре мы въехали в какую-то арку и оказались в огромном, с высокими сводами и десятком уцелевших колонн, помещении.

По жестам наших мальчишек-лоцманов я понял, мы приехали, здесь наша конечная станция. Ребята ловко, а я и Гвен, свалившись мешками, слезли с пернатых коней и они, освободившись от всадников, без сопровождения людей направились к одной из стен помещения и скрылись за открывшейся перед ними дверью.

Что будет дальше, посмотрим, решил я, а пока надо быть настороже, кто знает, чего можно ожидать от местного населения и вообще, вначале надо понять, что это за народ. Подойдя к Гвен, я тронул её за рукав:

– Гвен, держись поближе ко мне.

– Джо, тебя что-то насторожило?

– Пока нет, но... на всякий случай... , понимаешь?

– Джонатан, успокойся, это же мои соотечественники, ничего плохого от них я не ожидаю, – не дала закончить она мне.

– А, вдруг они каннибалы?

В ответ она только рассмеялась.

Её смех совершенно не успокоил меня, и я всё же решил быть начеку. Мало ли, что? – сказал я себе, соотечественники, не соотечественники, а тоже должны кушать. Что-то я не заметил в этих песках ни полей, ни огородов, ни животных... – Хотелось бы знать, чем они питаются?

Это был, конечно, риторический вопрос, но вопрос, который требовал уточнения.

– Пошли Джо, ребята зовут, – оторвала меня от размышлений по поводу еды, Гвен.

Мы направились в дальний конец помещения и, я лишь тогда заметил бездонную пустоту под ногами, когда оказался на её середине. – Чёрт! Чёрт! Чёрт! Надо же, так увлечься наблюдением за сопровождающими нас ребятами и окружающей обстановкой чтобы... – ругнулся я в сердцах, что не заметил, как попал на гравитационную подушку лифта... Чёрт! Чёрт! И ещё раз, чёрт! Слава Богу, что не попал ногой в какой-нибудь капкан, а всего лишь на подушку гравитационного лифта. Раззява! – вновь укорил я себя, вернее – обругал. Трижды раззява! Чему тебя, идиота, только в школе учили?!

* * *

Лифт уходил на глубину не менее тысячи, полторы тысячи ярдов. Цепочка фонарей терялась глубоко-глубоко внизу, а вдоль стены колодца вилась ажурная металлическая лестница.

До уровня десятого или одиннадцатого этажей в стене можно было заметить тёмные провалы, похожие на входы в горизонтальные коридоры.

Мои предположения о наличии горизонтальных коридоров подтвердились, когда мы спустились до шестнадцатого этажа и ступили на покрытый мозаичной плиткой пол.

Коридор был слабо освещён старинными люминесцентными лампами. В боковых стенах, то тут, то там, виднелись встроенные двери, но на звук наших шагов ни одна из них не открылась.

«Какой-то странный народ здесь живёт. Какой-то, я бы сказал, нелюбопытный совершенно», прислушиваясь и приглядываясь к окружающему, подумал я, и ещё больше насторожился. Мы издаём такой шум, а они, хоть бы хны! У нас бы уже половина населения планеты высунула любопытные носы, а то и толпой собрались.

Прошли ещё немного, и я окончательно заволновался – «А может здесь никто не живёт? Может быть, в этих коридорах находятся подсобные помещения: вроде разделочной трупов людей, с холодильной камерой в придачу, или... тюрьма?!»

Я стал поглядывать по сторонам ещё более внимательно, ища возможность при первом же удобном случае смотаться...

А, как же Гвен? – приструнил я себя. Я же не могу сам улизнуть, а её

оставить на съедение! Надо её предупредить, но как?! *Эти* всё время идут рядом...

Что ж, придётся подождать..., а вдруг будет поздно и возможность не появится?!

Я машинально переставлял ноги, а в голове, в мозгу, прокручивал возможные способы побега, то есть – попросту «слинять» из этих катакомб, из этого развороченного, сгоревшего города.

Мы прошли, не останавливаясь, мимо десятка закрытых дверей. Я для проверки, как-бы нечаянно, ну, словно споткнувшись на ровном месте, торкнулся в пару из них... ага, щас! Держи карман шире! Будут они в морге..., или в тюрьме, держать двери нараспашку, дураки они, что ли – конечно заперты!

После десятиминутной шагистики, наконец-то мы остановились. Наши сопровождающие, а может быть конвой? – попросив нас подождать, вошли внутрь какого-то бокового помещения, и плотно закрыли за собой дверь.

Оставшись вдвоём с Гвен, я оглянулся по сторонам, и, убедившись, что мы одни, прошептал:

– Ты не заметила у них никакого оружия? Гвен, не пора ли «делать ноги», и побыстрее?

– Заметила. А, что?

Испуганно вытаращив глаза, я прошептал:

– Какое?!

– Господи, Джо..., что с тобой? Ты, часом, не заболел?

Вроде бы нет – буркнул я.

– Но... всё же?

– Даа... самое что ни на есть обыкновенное – лазерные пистолеты. – Правда, не совсем, как наши, но, что лазерные, так это точно! Я в них отлично разбираюсь.

Моя подруга всё больше и больше удивляла меня. Ну, откуда, скажите на милость, простая девчонка из захолустной сельскохозяйственной планетки может разбираться в оружии. Я, специально подготовленный инспектор, и то не заметил у них оружия, а она, пожалуйста, сумела не только увидеть, но и определить, что оно не марсианского производства.

И... эта... её экипировка..., я сразу догадался – она изготовлена по специальному заказу..., уж это точно! Я в экипировках, предназначенных для исследования неизвестных планет, разбираюсь достаточно хорошо.

Чёрт! Что, в конце-концов, творится вокруг меня, и во что я так «аккуратно» сумел, вляпаться?!

Я не успел до конца решить, во что я всё же вляпался. Но, что вляпался, так это уж точно – к бабке ходить не надо!

Мы продолжали бы ещё шептаться, но открылась дверь, и нас пригласили войти.

Глава четвёртая

В ярко освещённой комнате, на возвышении, покрытом ковровой подстилкой, восседали четверо: трое мужчин и женщина. Одежда мужчин состояла из серебристого цвета тюрбанов и зелёного цвета, бурнусов. Нижнюю часть лица, то есть, нос и подбородок, прикрывала тряпица, чем-то похожая на шарф красного цвета. Женский наряд почти ничем не отличался от наряда мужчин, за исключением головного убора. Он представлял собой чалму белого цвета, концы которой прикрывали лицо. Только глаза оставались открытыми.

Определить, кто передо мной, мужчина или женщина, для меня не составило большого труда. В школе нас долго и тщательно учили определять пол любого живого существа по чуть заметным признакам: одежде, манере разговора, расцветке шкуры и сотням других признаков. Нам говорили – «В своей работе вы можете встретиться с любыми разумными гуманоидами мужского и женского пола, и к каждому из них должен быть свой подход – с мужским полом разговаривайте уверенно и конкретно ставьте вопрос, а вот с женщинами..., с ними разговаривайте мягко, вкрадчиво, как бы обволакивая...». Я воспользовался полученными в школе знаниями, чтобы определить, кто передо мной и, кажется, не ошибся.

Несколько минут мы находились под пристальными, изучающими взглядами четверых. Затем, мужчина, сидящий справа от женщины, глядя на меня, что-то проговорил. Пришлось напрячь память, и быстро вспомнить чему нас обучали в школе. Но, по-видимому, он догадался по моему лицу, что я не понял его вопроса и пытаюсь разобраться, на каком языке он задан. Тогда он повторил его уже на межгалактическом разговорном языке – «Кто вы и откуда?».

В голове заскакали мысли: а, вдруг, он знает, что меня разыскивают килеры и захочет выдать меня? Говорить правду или нет? А, что будет, если я скажу правду, а... если солгать?

Но с ответом меня опередила Гвен.

Она сказала, что мы недавно поженились, то есть, вступили в брак, и это наше свадебное путешествие. Попали мы сюда случайно... из-за скандала учиненного мужем (она возмущённо указала пальцем на меня), то есть, мной, на корабле. Нас высадили на первой же попавшейся на пути планете, и теперь она жалеет, что согласилась стать моей женой!

А в доказательство своего возмущения она, повернувшись ко мне, вклепила звонкую оплеуху.

От такого «нахальства» с её стороны, я вначале даже онемел, а придя в себя, пробормотал: «Ну, Гвен, ну, подожди! Я тебе эту, незаслуженную мной пощёчину, верну, „Отольются кошке мышкыны слёзки!“».

Я даже не думал, что моя перепалка с Гвен окажет благотворное влияние на наше положение среди допрашивающих нас, во всяком случае, на первых порах. Четверо мужчин, в их число, конечно, входил и я, нахмурились, а в глазах женщины промелькнуло торжество победы – победы женщины над мужчиной.

Но наше улучшившееся положение продлилось не долго. Мужчины перевели пристальные взгляды на мою спутницу и... кровь моя закипела. Даже в обтрепанном комбинезоне, Гвен выглядела очень даже соблазнительно. Воцарилось недолгое молчание.

– Вы сказали, у вас свадебное путешествие, но посмотрите на себя и на своего мужа, – прозвучал в тишине, с ноткой явного недоверия, голос женщины, – глядя на одежду вашего мужа, вернее, на то, что от неё осталось, я склонна поверить, а вот ваа-шаа...

– Простите, мадам, – перебила её Гвен, – именно из-за моей, как Вы правильно заметили, одежды мой муж и поскандалил. – Я примеряла комбинезон, мы по профессии оба археологи и, именно в этот момент, не попросив разрешения, в каюту вошёл второй помощник командира корабля, а я, как вы понимаете, в «неглиже». Он стал откровенно пялиться на меня... муж... Ну, вы, – обратилась она к мужчинам, – меня понимаете, не сдержался... иии...

Она, так красочно описала эпизод, и так мило ещё больше позеленела, что, не зная я настоящую причину нашего появления на планете, обязательно бы поверил ей.

И, на наше счастье, умудрённые жизненным опытом старейшины, поймались на её «правдивое» описание событий предшествующих нашему появлению у них.

Они ей поверили!

Лишь женщина, как-то скептически поджала губы, но что она могла противопоставить молодости, красоте и... красноречию?

– Можете поселиться у нас в городе. Вас проводят в жилое помещение, – услышал я скрипучий, как звук от колеса не смазанной восточной арбы, голос ещё одного мужчины. – А, пока, подождите за дверью.

Я вздохнул с облегчением, кажется, сегодня нами не будут ужинать. Ну, Гвен... ох, доберусь я до тебя, ох доберусь, смотри-ка ты, вздумала флиртовать и глазки строить! И, когда мы вышли в коридор я, не сдержав справедливого негодования, прошептал:

– Ты бы поменьше глазки строила, дурёха! – упрекнул я ветреницу, – а то, ненароком съедят первой.

– Фуу, Джонатан, я же говорила тебе – они не людоеды...

– Подождём. Если доживём..., тогда и увидим...

– Джо, ты случаем, не ревнуешь? – и её глаза озорно блеснули.

– Вот ещё. Чего бы это я стал ревновать? – буркнул я.

– Ревнуешь, ревнуешь, я же вижу...

Не дав разгореться «семейному» скандалу, открылась дверь, из комнаты вышел мужчина, заговоривший с нами первым при «знакомстве».

– Пойдёмте, я покажу, где вы будете жить.

* * *

Поднявшись на лифте до шестого этажа, мы двинулись по коридору за проводником.

Во время всего нашего пути он не проронил ни слова. Он, или молчаливо стоял в лифте или, также молчаливо, шёл по коридору, и лицо его ничего не выражало, кроме холодного равнодушия.

Гвен попыталась было задать ему какой-то вопрос, но он не ответил, он только посмотрел на неё и, показав рукой на дверь без таблички и без номера, остановился.

– Заходите, – произнёс он лаконично.

Дверь, как по мановению волшебной палочки, отворилась, мы вошли в освещённую зеленоватым светом комнату, а затем, я услышал, как дверь за моей спиной закрылась, и раздался негромкий щелчок запора.

– Что это..., почему? – испуганно воскликнула Гвен.

Она попыталась открыть дверь, и даже толкнула её плечом, но усилия её оказались тщетными. Дверь не открылась. Мы оказались запертыми в помещении.

– Джо, почему нас заперли, что им нужно от нас?! – голосок Гвен задрожал.

– Не знаю. Давай сначала посмотримся, а потом..., посидим, подумаем.

– Но, Джо, что они хотят от нас?!

В её голосе явно сквозили испуг и истерические нотки.

Приложив палец к губам, я жестом попросил Гвен не выяснять отношений вслух и, что надо помалкивать, а приблизив губы к её прекрасному ушку, прошептал: «Дорогая, потом поговорим. – Быть может, нас подслушивают и даже... наблюдают за нами».

– Ноо...

– Гвен!!!

* * *

Нам предоставили «апартаменты» из двух комнат и ванной. На уложенных мозаичной плиткой полах в беспорядке были раскиданы несколько шкур каких-то неизвестных мне зверей или местных животных, а в спальней комнате, я почему-то решил, что это спальная комната, посередине, возвышалось сооружение похожее на кровать, только без спинки и подголовника.

Вот как они живут, ещё раз окинув взглядом нищенскую обстановку помещения, огорчился я, и взглянул на Гвен? Любопытно, какое впечатление окружающее «богатство» её соотечественников произвело на неё? Но она молчала и только окидывала настороженно-любопытным взглядом предоставленные нам для проживания «хоромы».

Мы сегодня побывали в двух помещениях: в одном – при «официальном» приёме, и вот в этом, втором, куда нас привели и заперли. И, что же мы увидели? А увидели мы совершенно голые стены, несколько шкур на полу, да жёсткие возвышения – непонятно для чего предназначенные – то ли для сидения, то ли для сна.

Неужели здешний народ так обнищал, что у них вообще ничего не сохранилось из мебели, или... это сознательная, хитрая показуха – мол, смотрите, у нас братъ нечего, мы бедны как церковные мыши..., или... мы всё же в тюрьме, под замком?

– Гвен, что ты на это скажешь? – повёл я рукой вокруг.

– Даже не знаю, что тебе ответить. Я не меньше тебя удивлена происходящим и, никак не пойму, почему нас заперли. – Мы пленники, что ли?

Чтобы успокоить её, я равнодушно, хотя внутри меня всё волновалось, ответил: «Что ты, просто они решили предостеречь нас от неприятностей. Или... чтобы мы „случайно“, не заблудились в их коридорах».

– Каких неприятностей, Джонатан?! Каких?!

– Представь, нас одолело любопытство, мы вышли из помещения... – Не зная расположения подземного города, мы заблудились...

– Джо, ты сам-то веришь в то, что говоришь?

Конечно, я не верил. Но я, как мужчина и защитник, должен был так говорить. Если бы я так не говорил, то кто знает, что было бы потом? Может истерика со слезами, а может, что и похуже... допустим – потеря сознания..., обморок. Кто их, этих женщин, поймёт?

Глава пятая

Давным-давно животные и человек нуждались друг в друге для того, чтобы выжить в диком и враждебном мире, который был для них одинаково суров. Их содружество было долговременным и плодотворным. Но, постепенно, они потеряли чувство дружбы и доверия друг к другу..., по разным, конечно, причинам...

И вот, мы теперь стремимся покровительствовать животным, сдерживать и ограничивать их способности, сравнивать их физические качества, ум, саму жизнь, с нашим новым «высокопоставленным» положением. Но животные живут в особом мире, мире, который совершенно отличается от нашего мира, и этот мир древнее нашего на много миллионов лет.

Передо мной, словно на жидкокристаллическом экране, мелькали картины миров заселенных чудовищами. Они окружали меня со всех сторон и я, пытаюсь спасти свою жизнь, обращался к ним с просьбой вспомнить нашу былую дружбу, но в ответ лишь слышал – «А ты, помнишь?!»

И за этим вопросом следовало перечисление множества предательств, унижений и обид, нанесённых человеком их предкам...

Проснулся я весь в поту и с учащённым сердцебиением. Ночь или день..., день или ночь сейчас?

В помещении всё также мерцал зеленоватый свет, и в этом свете лицо спящей рядом со мной Гвен, казалось, сливалось с освещением.

Она спала свернувшись комочком словно кошечка, и была так трогательно-беззащитна, что, казалось, она хотела стать совсем маленькой. Хотела стать менее заметной для кого-то или, может быть, она забилась в потаённый уголок и хочет, чтобы её не нашли...?

Джонатан, прошептали её губы во сне, помоги мне..., и вновь установилась тишина.

Ей снится что-то неприятное, подумал я. Разбудить, или пусть всё же спит?

Не придя ни к какому решению, я вновь провалился в сон.

* * *

Во второй раз проснулся я с гудящей головой и не сразу сообразил, где я. В моём сознании сплелись в клубок ночные сновидения и действительность, и мне необходимо было время, чтобы разобраться во всём этом. Гвен лежала рядом со мной с открытыми глазами, по ней было видно, что она давно не спит и что-то тревожит её.

– Гвен!

– Да, дорогой.

– Как ты себя чувствуешь? Ты звала меня во сне, тебе приснился дурной сон?

– Джонатан, у меня такое состояние, будто я опилась какого-то дурмана и меня покачивает, как на волнах... – А... ты? Как ты себя чувствуешь?

– Паршиво, если не сказать по-другому.

После её вопроса у меня в мозгу, казалось, открылась форточка, и в неё словно свежий ветерок подул: ко мне пришло понимание происходящего с нами – теперь мне было понятно наше состояние, и откуда такие сны.

Не иначе, как в пищу нам что-то подмешали и я не ошибусь, если скажу, над нашим мозгом проводили какие-то манипуляции, решил я.

Значит..., это значит..., во вчерашний «убедительный» рассказ Гвен о нашем появлении на планете кто-то не поверил, и решил проверить её занимательное повествование при помощи

приборов или ещё каким-то другим, непонятным для меня, способом. И этот кто-то, я попытался вспомнить выражение лиц наших экзаменаторов...

Да! – женщина, скептически поджавшая губы. Это её работа! Это она лазила в наш мозг, пришёл я к заключению. Вот тебе и отсталые аборигены, вот тебе и разрушенный город!

Надо быть очень и очень осторожными и попытаться выяснить, с кем мы, на самом деле, имеем дело. Иначе эти – высокоразвитые, владеющие современными технологиями, «никому не причиняющие вреда аборигены», действительно сожрут нас и, чего уж тут греха таить, не подавятся. Ах, Гвен! Гвен,ними шоры с глаз своих и присмотришься хорошенько к своим соплеменникам...

Но ничего этого я ей не сказал. К чему девочке лишние тревоги, решил я... Она так рада, что нашла своих соплеменников. Буду действовать самостоятельно... по возможности, конечно.

– Гвен, как ты считаешь, мы можем подняться наверх и ознакомиться с городом?

Собственно, «подняться наверх» я предложил ей с одной целью, поговорить без посторонних, подслушивающих нас ушей, и обсудить план наших дальнейших действий, потому что..., потому что я не доверял местным жителям.

– Почему нет? – задумчиво произнесла она. Такого запрета я не слышала. Вот позавтракаем и пойдём.

– Кхм-м, пойдём?.. Ааа, что дверь заперта ты, случайно, не забыла?

Ой! Совсем забыла. Но ты, Джонатан, не беспокойся, я мигом с ними справлюсь... это не проблема. Через полчаса после утренних процедур и скромного завтрака (мы всё же рискнули поесть), она начала производить только ей понятные манипуляции с дверью. Я с любопытством наблюдал, как она, казалось, обнюхала дверь, но я-то понимал, просто она рассматривала её. Затем, начала делать какие-то пассы над ней и..., вдруг что-то щёлкнуло в двери, и она приоткрылась.

Удивлению моему не было предела!

– Гвен, как ты это сделала? – прошептал я.

– Потом Джо, потом. Придёт время, я тебе всё объясню.

Стараясь производить как можно меньше шума, мы быстренько направились к «лифту».

Нам повезло, никто не встретился на нашем пути, хотя..., у меня было такое чувство, словно нас всё время сопровождает чей-то взгляд. А, может, это просто разыгралось моё воображение? Или, это продолжал действовать на меня какой-то, введённый мне, наркотик?

Уже перед самым выходом на площадь нас задержали два желтоглазых аборигена. Они, отчаянно жестикулируя, пытались нам что-то объяснить, но я ни «бельмеса» не понял.

По-видимому, в моей школьной программе по языковой подготовке, наши кураторы что-то недоучили. Из всех преподанных мне языков, именно этот, регуловский, по какой-то причине отсутствовал в моём обучении, и я оказался в положении немого, но, отнюдь, не глухого.

Неужели наши преподаватели не знали, что на Регуле ещё сохранились местные жители и нам когда-нибудь придётся встретиться с ними. А теперь, вот стой и «хлопай» глазами.

Я посмотрел на Гвен. Мне показалось, что она что-то понимает во всей этой тарабарщине. Во всяком случае, весь её вид говорил мне об этом.

Не может же человек, не понимавший, на каком языке с ним говорят и что говорят, с таким вниманием слушать, а затем и отвечать, подумал я и, приняв «умный вид», продолжил слушать их разговор.

Хотя..., она же сумела поговорить с детьми, когда мы ехали на страусах, вспомнил я. Ааа... может..., во мне вновь начало проклёвываться подозрение – она умеет говорить на языке жителей Регула, а мне об этом не сказала? Нужно будет постараться найти способ узнать у неё.

Господи, сколько нового за такое короткое время, сколько неизвестного...!

Во время этих «жарких» переговоров я не сводил глаз с переговорщиков и, когда одна и другая сторона выдохлись, и наступила тишина, я обратился к Гвен:

– Выкладывай, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор? – Чего вы размахивали руками и кричали, как испуганные сойки?

Мы не размахивали, как ты говоришь, руками и, тем более, не кричали, мы спокойно разговаривали. – Они говорят, что опасно выходить за пределы площади и, тем более опасно, без подробной карты города. Мы, предупреждают они, можем заблудиться и погибнуть от голода и жажды и, самое страшное, что может случиться с нами, мы можем попасть в руки «Дикого Племени»... – За периметр площади можно выходить только группами и хорошо вооружёнными. – Какого-такого... «Дикого Племени»?! А вдруг ты неправильно их поняла... – Ты же не знаешь их языка?

– Кто тебе это сказал? – Во всяком случае, не я. Согласен?

Против её довода мне нечего было возразить. У нас, действительно, не было разговора на тему языковых знаний. Вот, чёрт! Как это я мог так опростоволоситься? Учили, учили тебя, придурок, выругал я себя, а ты элементарной вещи, как знание языков своей подруги до сих пор не выяснил.

Чтобы ещё больше унижить себя, мысленно добавил: «Идиот! Настоящий, полноценный идиот! Тоже мне – Межгалактический Финансовый Инспектор!»

– Что будем делать? Возвращаемся назад? – как-бы вскользь поинтересовался я.

– Нет. Я попытаюсь их уговорить.

– Ааа..., а как же эти..., как их..., Дикое племя..., с ним-то, как? – А мы ведь, если помнишь, совершенно без оружия... – Сожрут ведь, гады, нас..., или эти..., или Дикие...! – Хорошо, если хотя бы зажарят, а то ведь живьём сожрут и косточками не подавятся! – заволновался я, представив, как волосатый людоед впивается огромными, жёлтыми зубами в тело моей девочки...

О, Господи! От представившейся мне картины, я даже, кажется, побледнел.

– Джонатан, что с тобой? – Ты, часом, не заболел? Дай-ка мне твой лоб пощупать, – и приложила к моему лбу прохладную ладошку.

О какой болезни она говорит?! Господи, тут «Не до жиру, быть бы живу!» – вспомнил я высказывание своего друга детства, когда мы улепётывали от разъярённого соседа, у которого воровали финики.

– Давай вернёмся, а? Ну его, этот город, обойдёмся как-нибудь и без осмотра..., – прошептал я в надежде, что Гвен прислушается к моим словам.

– Я не узнаю тебя, Джо.

– Я сам..., себя не узнаю, – согласился я, и с надеждой заглянул в её глаза.

Не мог же я признаться ей, что не за себя боюсь, а за неё, что страшно боюсь её потерять, что без неё мне жизни нет, что... Ооо! Господи!

Пока я так волновался и переживал, Гвен, оказывается, приступила к новому раунду дипломатических переговоров.

После очередных «криков» и размахиваний руками у неё появился сначала один лазерный пистолет, потом другой, и к ним пара запасных энергетических обойм.

Ну, Гвен! Ну, пройдоха! – восхитился я дипломатическими способностями своей подруги. Ну, молодец! Я бы никогда так не сумел. А может у неё получается потому, что она красивая девушка? Наверное.

Почему-то этот вывод мне не показался неприятным, а даже понравился. Всё-таки здорово, когда на твою подругу засматриваются другие мужчины – это как-бы вселяет в тебя гордость, что именно тебя она выбрала из сотен, а может быть, и тысяч тебе подобных.

Приятно, чёрт побери!

Глава шестая

Мы перебирались через очередной завал между двумя зданиями, когда мне показалось, что в одном из окон, слева, мелькнула какая-то тень. Мелькнула и пропала. Присмотревшись повнимательнее я ничего, и никого, не обнаружил. Показалось, решил я, и немного успокоился, хотя, если честно, нервы мои были на пределе. Мне за каждым углом, за каждым нагромождением камней чудились «Дикие».

Вот! Вот опять! Ну, это уж..., вот, точно...

Да, я не ошибся. Точно мелькнула какая-то тень в одном из окон.... Нет, мне не показалось! Да и разве возможно ошибиться, когда в окнах появляются... эти...

Полусогнувшись, я следовал за Гвен и настороженно всматривался в развалины домов. «Бережёного – Бог бережёт!» – прошептал я, и потянулся за пистолетом.

– Джо, не надо, – услышал я шёпот Гвен.

– Но, там... Дикие...

– Я, знаю. – Они уже почти час следуют за нами.

– И, ты мне ничего не сказала?

– Ты бы стал палить во всё, что движется и не движется, и напрасно расходовать боезапас. Твоя стрельба только бы возбудила их и спровоцировала на начало нападения.

Она, конечно, была права. Но, как долго они будут нас преследовать и, сколько их – один, пять, десяток? Сможем ли мы, вдвоём, противостоять неизвестной нам силе и не погибнуть?

Нет, ну, надо же мне было оказаться на задворках вселенной, среди развалин неизвестного мне города, среди непонятного мне населения – ворчал я. А в придачу ко всему, пробираться согнувшись в три погибели, с постоянным ожиданием нападения каких-то «Диких».

Одна радость и утешение – Гвен, а так, ничего хорошего... ни впереди, ни сзади, ни даже с боков... Ко-шма-ррр!

– Джонатан, перестань ворчать, будь внимателен, чаще посматривай по сторонам. И после небольшой паузы, добавила: «Нам осталось пройти не более полумили».

– Пройти полмили по этим завалам? – До чего полмили? – зашептал я, схватив её за локоть. – Гвен, ты объяснишь мне, куда мы идём и, где наша конечная цель?

– Потерпи, я же говорила. Ты скоро всё узнаешь.

* * *

Но пройти спокойно эти полмили нам не удалось. Я неожиданно почувствовал, как что-то резко обожгло мою правую ногу чуть выше колена. Инстинктивно повалив на землю Гвен и прикрыв её собой, я посмотрел на обожжённое место.

Да, без сомнения, это явно был след от лазерного луча.

– Джонатан, сумасшедший! Ты чего на меня взгромоздился...? Не можешь потерпеть до вечера? – насмешливо прошептала Гвен и попыталась столкнуть меня с себя.

Ответом на её вопрос последовал новый выстрел, затем ещё и ещё...

Каменные крошки и пыль от попаданий, в послужившую нам естественной защитой валявшуюся колонну, скрыли нас от глаз нападавших.

Вывернувшись из-под меня, Гвен поползла дальше, а я...? Я, как верный, но раненый рыцарь, медленно и молчаливо последовал за ней.

– Совсем ведь немного осталось пройти, – услышал я возмущённо-обиженный голос Гвен. – Справа за поворотом наша цель.

Я не стал комментировать её слова. Стиснув зубы от боли, я продолжал ползти за Гвен. Когда выстрелы остались позади, мы присели отдохнуть.

– Ты чего кривишься, как-будто тебе холодная вода попала на зуб?

– Меня... кажется... ранили.

– Когда это тебя ранили? Где, покажи? – заволновалась, Гвен.

Когда я на тебя, как ты сказала «взгромоздился», а вообще-то я тебя прикрыл, закрыл своим телом... Могла бы и спасибо сказать. Рана оказалась достаточно серьёзной. Чуть ли не в треть дюйма глубиной полоса обожженного разреза пересекала моё бедро. Было над чем, задуматься.

Гвен из своих бездонных карманов комбинезона быстро достала узкий ремешок и ловко перетянула мне ногу выше раны.

– Потерпи, дорогой, немного, потерпи, – зашептала она, – доберёмся до часовни, там они не посмеют нас тронуть..., там... Святое Место – она вытерла вдруг появившиеся на глазах слёзы.

Я посмотрел на любимое, осунувшееся от усталости лицо, по которому скатывались светлые горошины слёз, и подумал, как хорошо, что я встретил тебя тогда на звездолёте, как хорошо.

У меня даже боль в раненой ноге приутихла от счастья.

– Нам пора, – выглянув из-за укрытия и никого не обнаружив, прошептал я.

Ползком, таща за собой не хотевшую слушаться раненую ногу, я последовал за Гвен. Мы доползли уже почти до угла, как нас снова обнаружили и обстреляли.

Пришлось и нам применить оружие.

Кажется, Гвен в кого-то попала, потому что стрельба на миг прервалась. Затем, раздался оглушительный рёв, словно из десятка ртов вырвалось – «Огу-ррр-лл!!!» – и нас накрыл ливень разноцветных лучей.

Мы не могли не только ползти, мы не могли даже пошевелиться.

– Что будем делать, Джо?

– Ползти, как только огонь чуть ослабеет. Постараемся воспользоваться моментами, когда они перезаряжают обоймы.

– Тебе очень больно? – жалостливо спросила она и погладила меня по голове.

– Терпимо.

Не мог же я признаться слабой девушке, которая оказалась в сложной ситуации такой сильной духовно и такой храброй, что у меня от боли темнеет в глазах, и я вот-вот потеряю сознание. Конечно не мог!

Нужно было, хотя бы морально, поддержать её и найти в себе физические силы преодолеть оставшиеся двадцать-тридцать ярдов до входа в часовню.

Может, действительно, мы сможем в ней укрыться? Хотя..., как знать.

* * *

У меня перед глазами, застилая зрение, плавал какой-то туман. Я не видел ни часовни, ни «Диких». Я только слышал, как Гвен, чуть приотставшая от меня, выпускала заряд за зарядом...

Храбрая девочка, сдерживая нападавших, прикрывала меня, и... я услышал, как вновь раздался злобный рёв, а затем, ещё и второй.

– Молодец девочка! – в полуобмороке подбодрил я её.

А сам я – полз, полз к виденной мной словно в тумане, заветной двери.

Потом я услышал, как Гвен вскрикнула.

Ранили, понял я, и невероятным усилием воли постарался прогнать туман из глаз.

К ней бежали, приближаясь всё ближе и ближе, какие-то косматые, все в оборванном тряпье, звери!

Вот впереди бегущий оборванец уже наклонился над ней...

Я выстрелил, почти не целясь, и... попал!

Он завалился набок, не успев сделать последний шаг к Гвен. Но следом за ним приближались ещё несколько...

Гве-ее-н!!! – в отчаянии закричал я, – беги!!! Не знаю, услышала ли она меня, или сработал её инстинкт самосохранения, но она поднялась и, не скрываясь, бросилась ко мне. А я уже был у самой двери часовни... и, толкнув её, быстро распахнул...

То ли ей помогли Святые, то ли Дикие растерялись от неожиданности её поступка, но они не стреляли, а молчаливой толпой гнались за ней. Они, наверное, были уверены, что лакомая добыча, считай, была у них уже почти в руках, подумал я.

От усилия думать, или по какой-то другой причине, меня пронзила резкая боль. Но сознания я не потерял. Я увидел, как в самый последний момент, когда им оставалось только протянуть руку, чтобы схватить её, она, не смотря на ранение, вихрем ворвалась в часовню...

Я из последних сил успел захлопнуть и запереть входную дверь.

Мы оказались в крошечной темноте.

За металлической дверью слышался злобный рёв, какое-то движение, затем раздались громкие, настойчивые стуки в дверь.

Слава Богу, нападавшие не стали применять оружие!

Быть может, они боялись гнева Богов? А может, они знали что-то такое о двери, что не стали в неё стрелять?

Последней моей мыслью перед окончательной потерей сознания, была мысль о Гвен, и была благодарность Богу за её спасение!

* * *

Пришёл я в себя от чувства какого-то облегчения, посетившего моё тело и мозг. Всё вокруг меня было освещено неярким, оранжево-красным светом, исходящим от двух масляных светильников.

А рядом сидела Гвен.

Рана на ноге не болела, чувствовал я себя совершенно здоровым и полным сил, как тогда у озера, под пальмой. Странно, удивился я, ведь с такой раной я должен провалиться в постели не менее месяца и то, при надлежащем уходе.

Лицо Гвен, заметившей или почувствовавшей, что я пришёл в себя, осветилось улыбкой:

– Как ты, дорогой?

– Прекрасно. Помогите мне сесть, а то я боюсь потревожить рану и снова потерять сознание.

– Какую рану? – лицо Гвен, как мне показалось, выразило явное, неприкрытое, и чуть ироническое недоумение.

– Не понял твоего юмора? – опешил я от такой реакции на мои слова. Рану на ноге..., – напомнил я, – ты, что, забыла?

– Нет у тебя никакой раны, я её вылечила.

– Ммм?! —

Не понял, – обескуражено произнёс я, и перевёл взгляд с Гвен туда, где была моя рана.

На ноге, чуть выше колена, в брюках зияла опаленная дыра...

– Вот, видишь!

Я расширил дыру, чтобы показать ей рану, но раны на ноге не было. Сквозь дыру просвечивало моё совершенно здоровое, смуглое молодое тело.

Я переводил удивлённый взгляд со своей ноги на Гвен и обратно...

Насладившись моим замешательством, Гвен весело рассмеялась.

– Я же говорила тебе, что не раз удивлю тебя. – Помнишь, я пообещала рассказать тебе о своей жизни, о том, почему оказалась на этой планете и, по счастью или несчастью, судить тебе, ты оказался рядом со мной... – Помнишь?

– Да, ноо...

Тревога вновь поселилась во мне и стала вгрызаться в мою душу всё глубже и глубже. Я, не дослушав её, спросил:

– Гвен, ты подумала, как мы отсюда выберемся? – А, если нам придётся провести здесь, в окружении Диких... не один день... – Чем мы будем питаться?

– Дорогой, о пище земной не беспокойся, здесь всё есть, и не на один день. Завтра, в крайнем случае, послезавтра, за нами придёт местный спасательный отряд и выведет нас в подземный город. Или же... до их прихода, что предпочтительнее, успеет прилететь шлюпка с корабля, тогда мы улетим домой...

...а пока..., давай перейдём в другое помещение и перекусим, я голодна, но ждала твоего пробуждения ото сна, – словно совершенно не обидевшись, что я так невежливо перебил её признание, сказала она.

– Какое..., другое... помещение?! Какая... шлюпка... с корабля?! – проблеял я, окончательно и бесповоротно сбитый с толку её словами.

Не иначе, Гвен заболела и у неё горячечный бред, решил я, и внимательно посмотрел на неё. Но, нет..., вроде бы нет...

Её лицо было спокойно-безмятежно, и лёгкая улыбка тенью пробежала по её милому, такому дорогому для меня, лицу.

– Другое помещение – оно для путешественников и усталых путников – это пристройка к часовне, и у неё нет святости и целебных сил, пояснила она, но мы ведь уже вылечились, не правда ли? – лукаво поинтересовалась она.

Я, конечно, чувствовал – какие-то чары окружают меня, и несколько раз, непроизвольно, даже встряхивал головой, чтобы избавиться от них, но всё оставалось по-прежнему: оранжевый свет, загадочно улыбающаяся Гвен и отсутствие раны на ноге...

Чертовщина какая-то! Ну, что ж, посмотрим, как дальше будут развиваться события, а поесть, действительно, не мешало бы. Оказывается, я тоже здорово проголодался!

Глава седьмая

После еды и пары глотков свежей, прохладной воды, я был готов выслушать «признание» Гвен, тем более, что нам пока никто не мешал.

Она предупредительно погрозила мне пальцем, и начала тихим голосом:

– Межгалактические легенды о Регуле, а их более десятка, рассказывают, стала просвещать меня, Гвен: Давным-давно, несколько тысяч лет назад, планета Регул ещё представляла собой Рай – мечту гуманоидных существ, всех звёздных систем. Считалось, что именно на Регуле он и располагается, а Ад был на Голубой планете, под названием Земля. Кстати, Эдем тоже был здесь и, как говорит одна из легенд, Адам и Ева родились тоже здесь, на Регуле.

Так вот, однажды о Регуле прослышали злобные существа из другой звёздной системы, а может быть, они о нём давно знали и решили захватить и подчинить Регул своей власти.

Среди сонма падших ангелов нашёлся доброхот-предатель и, когда он подавал напитки Богам, то всыпал крепкий сонный порошок в сосуд с вином. Боги уснули, а злобные существа, воспользовавшись предательством, разрушили Регул. Лишь часовня и озеро с целебной водой сохранились в первозданном виде. Или у них не хватило сил, или может Боги к тому времени проснулись, но захватчики ничего не смогли поделать с оставшимися святынями, чтобы до конца разрушить Рай.

Раньше у Регула было и второе название – Зелёная планета, а сейчас, ты сам видел, планета покрыта песком и ничего здесь не растёт. Пищу аборигены, потомки древних ангелов, выращивают в подземных садах и огородах. Последние, сохранившиеся волшебные места остались лишь только в двух местах.

Мы с тобой, по счастью, в них побывали: это целебное озеро и..., вот здесь – часовня. Поэтому-то твоя рана исчезла, а силы восстановились.

Сейчас никто в галактиках и звёздных системах не верит в эти легенды, а местные жители стараются не афишировать свои тайны, и всех, кто попадает на планету, задерживают здесь.

– То есть, попросту съедают?

– Не говори чушь! Они же не каннибалы какие-нибудь... Если и могут это сделать, то только Дикие и то, думаю, это «пугалка» для детей. «Дикие» могут захватить в плен и сделать рабом, но только не съесть.

Так что не надейся прославиться, как этот, как его..., ну, ты должен знать...

– Кук, что ли?

– Ну, да.

Ну, подруга! Ну, спасибо! Успокоила, нечего сказать, «восхитился» я.

– Гвен, ты-то, откуда всё это знаешь?

– А это, Джонатан, совсем другая история. Это история обо мне.

– Так расскажи.

– Разве тебе интересно?

В её жёлтых кошачьих глазах мелькнули озорные искорки, искорки, которые я так любил видеть у неё и за которые готов был жизнь свою прозакладывать.

– Гвен, не томи, рассказывай! – взмолился я.

– Хорошо, времени у нас предостаточно и я, во всяком случае, надеюсь, мой рассказ-признание не отвратит тебя от меня.

В ответ на её слова, что я мог сделать – только поцеловать..., крепко поцеловать.

* * *

...Так вот, продолжила она свой рассказ после поцелуев. Жила была девочка, рождённая на маленькой периферийной планетке, настолько периферийной и маленькой, что её можно было найти на звёздной карте лишь при помощи микроскопа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.